В кн.: Проблемы этн. истории народов Карачаево-Черкессии", К-Ч. НИИ Черкесск, 1980

Е. П. Алексеева

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АБАЗИН И РАССЕЛЕНИИ ИХ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Предисловие

Абазины — самоназвание «абаза». Язык абазин имеет два диалекта — тапанта и шкарауа. К группе тапантовцев относятся лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы и джантемировцы; к группе шкарауовцев (ашхарцев) — там, кизилбек, баг, чегрей, баракай, мысылбай-башилбай. По антропологическому типу абазины занимают промежуточное положение между представителями понтийского и кавкасионского типов.[1]

В настоящей работе рассматриваются вопросы происхождения абазин и расселения их в средние века. Эти вопросы уже ставились в некоторых наших исследованиях.[2] Целью данной работы является суммирование и обобщение всего сказанного ранее и дополнение этих материалов и выводов новейшими данными.[3]

Изучение вопросов этногенеза абазин

Проблемы этнической истории абазин, в частности, вопрос об их происхождении — принадлежат к числу наименее изученных в кавказоведческой науке. Но все исследователи сходятся в мнении о том, что абхазы и абазины являются близкородственными народами.

Очень долгое время в письменных источниках не было даже термина, отдельного от абхазов, которым бы обозначались северокавказские абазины.[4]

Так, в русских летописях под 1111, 1154, 1223, 1346, 1395 гг. упоминаются «обезы».[5] Известие об обезах имеется и в Патерике Киево-Печерского монастыря, составленном в 1462 г.[6] Термином «обез» русские летописи называли Абхазию, обезами же живших в Восточном Причерноморье абхазов и абазин. В некоторых случаях «Обезом» именовали Грузию и Абхазию вместе.[7]

В более поздних источниках, например, в русских документах XVII в., абазины, как и абхазы, назывались «Абазой», но встречались и названия «абазинцы», «обазинцы», «абазинские люди», обозначающие кубанских абазин (см. дальше).

Западноевропейские авторы XVII в. абхазцами, абазцами, Абазой называли и абхазцев и абазин: Д' Асколи —абассой, Жан де Люк—абазами, Витсен—Абазой.[8] Ламберти замечает, что «с северной стороны ближе всех (к мингрелам) живут те кавказцы, которых турки называют абазами или абкассами»[9].

Турецкий автор XVII в. Эвлия Челеби все население от Туапсе до Мингрелии (то есть и абхазов и абазин) называет абазе.[10]

Автор начала XVIII в. К. Главани выделяет группу абазин из абхазов, но отмечает, что абазины (Бесскессек-Абаза) по языку и происхождению абазы, то есть абхазы.[11]

Теории абхазского происхождения абазин придерживались очень многие авторы XVIII—начала XX вв.[12]

В большинстве случаев даже не делалось различия между абазинами и абхазами.[13] Как отмечает Г. П. Сердюченко, термин «абазины», широко использованный в русской литературе XVIII—XIX вв. как параллельный термин «абаза», «абазда», «абхазы», стал приобретать свое суженное наименование северокавказских «абазов», живущих в бассейне Кубани и Терека лишь в конце XIX в.».[14]

В дореволюционной литературе существовали и другие точки зрения о происхождении абазин. Так, высказывались мнения, что абазины являются аборигенами северных склонов Кавказского хребта (Ю. Клапрот, Л. Лопатинский). Однако оба названных автора указывали на родство абхазов и абазин.[15]

Некоторые авторы считали, что абазины являются частью черкесского народа. Высказывались предположения, что предки абхазов и абазин принадлежали к числу сарматских племен.[16]

Ш. Б. Ногмов считал, что ясы-осы-опсы не осетины, а абазины[17]. По мнению Ф. Шишкевича, аас Рубрука—абхазы.[18]

Мина Медичи замечает, что абазы, обитавшие в районе Анапы, отличаются от остальных. О происхождении абазов, к числу которых он относил и абазин, Медичи писал следующее: «Хоренский упоминает апхаз и апшел, которые суть абхазские племена и которые живут в кавказских горах, некоторые же на побережье моря».[19] Как известно, апшилы и абхазы упоминаются в Армянской географии VII в.[20] Некоторые авторы, напр., А. Грен, полагали, что абазины происходят от апшилов Армянской географии.[21]

Высказывалось мнение об абхазском происхождении адыгского «племени» абадзехов. Так, Н. Камецев и кн. Хаджимуков приводят предания (считая их в известной степени достоверными), повествующие о том, что абадзехи происходят от нескольких абхазских и «абадзинских» фамилий, поселившихся на северном склоне Кавказского хребта. Позднее к ним примкнули «беглые адыги».[22] По мнению Л. Лопатинского, «абадзехи» представляют собой этнографическую смесь между черкесами и убыхами».[23]

В современной зарубежной литературе вопросам истории абазин внимания уделяется немного. Обычно абазины упоминаются в разделах, посвященных историческим судьбам абхазов или черкесов. Так, в статье «Кавказские народы» (Реальлексикон Макса Эберта) выделена западная группа кавказских народов, в которую входят абхазы, убыхи и черкесы. Говоря об абхазах, автор упоминает и верхнекубанских абазин (бешильбеев и баракаев), однако абхазы и абазины рассматриваются как один народ, называющий себя А-ап" с-уа (то есть апсуа—самоназвание абхазов).[24]

Согласно А. Намитоку, абазины — потомки асов, древних сарматов—языгов. Асы объединяли осетин и абазин. В то же время абазины родственны и черкесам. Они имеют общих предков—медес-меотов. Наименование «медес» сохранилось в названии одного из абазинских этнических подразделений — медовеевцев. Брухи Прокопия — это абазины - баракеевцы. Родственные баракеевцам баги (баговцы) — потомки папагов Константина Багрянородного.[25]

Э. Саркисянц считает абхазов и абазин одним народом. Абхазская народность, по его мнению,—сильно огрузиненные черкесы. В XVII в. часть абхазов («южночеркесские абхазы») переселились с южной стороны Кавказа на северную.[26]

В изучение интересующих нас проблем этнической истории абазин в зарубежной литературе послеоктябрьского периода

по сравнению с более ранней литературой ничего принципиально нового не вносится.

Переходим к советской абазиноведческой литературе. В первые десятилетия после 1917 года абазинами, в основном, занимались языковеды.

Н. Я. Маар отмечал близость черкесского (адыгейского) и абхазского этносов.[27] Абазин Н. Я. Марр именовал «черкесскими абхазами»,[28] а абазинский язык относил к группе языков адыге (вместе с кабардинским, черкесским и убыхским).[29]

О связи абхазского и черкесского языков писал и Н. Ф. Яковлев. Абазин он считал потомками абхазов, «по крайней мере с XI в. появившихся на перевалах Кавказского хребта в долинах Зеленчуков».[30] Абазинский язык Н. Ф. Яковлев относит к абхазской подгруппе яфетических языков Кавказа («абазинское или восточно-абхазское наречие, которое ближе к кодорскому абжуйскому»).[31]

А. Н. Генко в статье «О языке убыхов» касается и некоторых вопросов этнической истории абазин. Особенно интересен для нас проведенный А. Н. Генко анализ некоторых этнических и топонимических терминов, имеющихся в рассказе Эвлии (см. ниже). В работе «Абазинский язык», законченной в 1934 году, А. Н. Генко рассматривает и некоторые вопросы истории абазин. Так, по мнению А. Н. Генко, термин «тапанта» происходит от иранского (осетинского) — «равнинный житель». Абазины — тапантовцы, являются, по мнению А. Н. Генко, частью абхазцев, которая в XII—XIII вв. спустилась в бассейн верхней Кубани в северокавказские предгорья, отделившись, таким образом, от остальной массы абхазов. Первое положительное указание на наличие абхазо-абазинских поселений на Северном Кавказе, относится к концу XIV в. (очевидно, здесь А. Н. Генко имеет в виду «Абасу», которую занял Тимур в 1396 г. — см. об этом дальше). Так как эта часть абхазцев давно стала населением равнин, то ирано-язычные соседи и назвали ее «равнинными жителями», «тапантой». «Шкарауа», как полагает А. Н. Генко, означает «горцы». Шкарауовцы еще сравнительно недавно обитали в горах, в верховьях рек Мзымты, Псоу и Бзыби, а также в верховьях Кубани, на Урупе, на Большой и Малой Лабе. Поэтому они и именуются «горцы». В течение XVII в. эти горные племена заметно продвинулись на север и оказались, подобно тапантовцам, жителями равнин.[32]

Абазинский и абхазский языки в отдаленном прошлом составляли «единый в языковом отношении коллектив, взаимопо-

нимание в пределах которого гораздо легче достижимо, чем в настоящее время».[33] Абазинские наречия, существующие в настоящее время, А. Н. Генко считал самостоятельным языком.[34]

В 1929 г. вышла в свет брошюра этнографа С. Басария.[35] С. Басария полагает, что абазины, в частности, населяющие Кумско-Лоовский (ныне—Красновосточный) аул, являются выходцами из Абхазии. Начало переселения абазин на Северный Кавказ — период, гораздо более ранний, чем XVII в. Река Кума названа абазинами Гум — по предположению Басарии, по имени реки Гумы в Абхазии, в бассейне которой некогда обитала данная группа абазин.[36]

В конце 20-х — начале 40-х годов историю и язык абазин изучали Л. И. Лавров и Г. П. Сердюченко.[37]

В послевоенные годы работа по изучению этнической истории абазин стала значительно более интенсивной. Здесь прежде всего следует сказать об исследованиях Л. И. Лаврова. В ряде статей Л. И. Лавровым высказано много интересных мыслей и предположений, касающихся истории абазинского народа, в том числе и вопросов их этнического развития. Наиболее подробно интересующие нас проблемы развиваются в двух работах Л. И. Лаврова — «Обезы» русских летописей» и «О происхождении народов Северо-Западного Кавказа».[38] Вкратце взгляды Л. И. Лаврова сводятся к следующему. Предки абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев и кабардинцев проживали на Северо-Западном Кавказе уже в глубокой древности — они ведут свое происхождение от восточной части киммерийских племен. В число предков этих народностей входят синды и меоты, тореты, керкеты, ахеи, зихи и другие племена. Во второй половине I тыс. н. э. санниги, абазги и апсилы консолидировались в абхазскую народность. Образование в VIII в. Абхазского государства политически оформило образование абхазской народности. Абазины представляют собой особый народ, отличный от абхазского. Он формировался из мелких племен, проживавших к северо-западу от Абхазии. Эти племена во второй половине II тыс. н. э. подвергались сильной абхазизации—и в отношении культуры, и в отношении языка. Этим обстоятельством и объясняется, по мнению Л. И. Лаврова, сходство абхазского и абазинского языков. Но процесс абхазизации мелких племен не успел завершиться. Окончательному слиянию этих племен с абхазами помешало усиление прикубанских племен (в начале II тыс. н. э.), постепенно консолидировавшихся в позднейших черкесов. Усиление черкесских племен особенно стало заметным в XIII в., после разгрома алан татарами. В результате многие

мелкие племена приморской и высокогорной части Северо-Западного Кавказа вместо абазинских диалектов стали пользоваться черкесскими. Так очеркесились шапсуги, натхуаджи, абадзехи, гуайе, жаны, бжедухи и махоши. Прежде они были абазинами и черкесы долгое время именовали их не черкесами, а абазинами. Слово «абадзех», как пишет Л. И. Лавров, значит «нижние абазины». На восточночерноморском побережье в XVI в. лингвинистическая граница между черкесами и абазинами, судя по сообщению Гербештейна, проходила недалеко от устья р. Кубани. По данным Жана де Люка (1635 г.) и Эвлии (1641 г.), эта граница отодвинулась на юг, до Туапсе (Кодош-Кютаси). В XIX в. она проходила еще южнее — в районе Сочи. Этот процесс Л. И. Лавров представляет себе не в виде вытеснения черкесами абазин, а как вытеснение абазинского языка черкесским. Какие же доводы приводит Л. И. Лавров в пользу того, что абхазы и абазины по своему происхождению представляют собой два разных народа? Во-первых, утверждает Л. И. Лавров, сходство терминов «абхазы» и «абаза», на которое опираются сторонники абхазского происхождения абазин, ни о чем не говорит, так как Н. Я. Марр и сам Л. И. Лавров неоднократно обращали внимание на то, что большинство известных нам племенных названий Северо-Западного и, отчасти, Центрального Кавказа связаны между собой и восходят к общему корню. Во-вторых, у абазин, якобы, нет народных преданий, говорящих о переселении на Северный Кавказ из Абхазии, тогда как имеются предания о переселении абазин из Адлеровского, Туапсинского и Лазаревского районов. В записанных Л. И. Лавровым преданиях в качестве первоначальных мест обитания абазин указываются Псху, Ахчипсоу, Шапсугия и Мдавей, то есть территория, расположенная на северо-западе от Абхазии. Племенные, фамильные и топографические термины северокавказских абазин (Лоо, Кеч, Дыдыркъвай и др.) имеют свои параллели на Черноморском побережье в районе Сочи. Ссылаясь на К. Сталя, который приводит предание о том, что абазины переселились из Абхазии на Северный Кавказ в районе между Тебердой и Белой, Л. И. Лавров утверждает, что между Тебердой и Белой удобные перевалы, якобы, ведут не в Абхазию, а к нынешнему Адлеровскому и Лазаревскому району.

В более поздних своих работах Л. И. Лавров пишет, что «современные абазины — потомки разноязычного населения той части черноморского населения, которая расположена на северо-западе от нынешней Абхазии и **частично в сопредельной части Абхазии**»[39] (подчеркнуто мной. — Е. А.). Итак территория

консолидации абазинской народности несколько расширяется, захватывая и часть Абхазии. Переселение абазин на Северный Кавказ относится к XIV—XVI вв.[40]

В трех своих последних работах[41] Л. И. Лавров пишет, что нет основания считать протоабхазскими племенами санигов и первоначальных абазгов. Предками абхазов были прежде всего апсилы. Абазины, потомки абазгов, говорили, очевидно, по-убыхски. Перенос их этнонима «абазг» на нынешних абхазов Л. И. Лавров объясняет тем, что начало Абхазскому царству VIII в. положила абазгская династия. Впоследствии вытеснение убыхского языка абхазским и адыгским привело к образованию абазинского языка и ассимиляции значительной части абазин адыгейцами.

Мы не можем согласиться с тем, что саниги и древние абазги не являются предками абхазов — об этом речь пойдет ниже. Об убыхах и их отношении к абазинскому этногенезу мы также скажем дальше. Здесь же хочется заметить, что термин «Абхазия» упоминается в источниках раньше, чем в VIII в.— в Армянской географии VII века: «На морском (кавказском) берегу страны авазов, где живут апшилы и абхазы до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона (Кодора), текущей из агван и отделяющей **Абхазию** (подчеркнуто мной. — Е. А.) от страны Егер (то есть Мегрелии)».[42]

В 50-х годах вышло в свет несколько исследований языковедов, в которых рассматриваются вопросы абазинского языка и делаются определенные заключения по некоторым проблемам этнической истории абазин. Так, К. В. Ломтатидзе в своей работе, посвященной ашхарскому (шкарауовскому) диалекту абазинского языка, замечает, что «тапантский» диалект сохранил вместе с другими абхазско-абазинскими диалектами единый грамматический строй и основной словарный фонд. Ашхарский диалект проявляет еще большую близость к южно-абхазским диалектам».[43] Х. С. Бгажба в работе «Бзыбский диалект абазинского языка», сравнивая абхазские и абазинские диалекты, пришел к выводу, что в древности абхазы и абазины составляли одну этническую группу, говорившую на одном языке, имевшем диалектные различия. Первоначально эти различия были незначительные, но впоследствии диалектные особенности стали более ощутимыми. Однако до сих пор абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохраняя общность грамматического строя и основного словарного фонда. Представители всех диалектов (в том числе и наиболее обособившегося тапантского) понимают друг друга.[44]

В книге Г. П. Сердюченко, специально посвященной абазинскому языку, имеется много важных выводов, касающихся и этнической истории абазин. Работе. предпослан обстоятельный историографический очерк, где рассматриваются вопросы истории и содержания термина «абазины», этимологии термина «тапанта» и других названий, являющихся наименованиями этнических групп абазин; о времени поселения абазин на Северном Кавказе, о племенных взаимоотношениях абазин и другие.[45] Г. П. Сердюченко отмечает лингвистические и исторические связи абхазцев и абазин.[46] По его мнению, северокавказская равнина, Закубанье были заселены абазинами, во всяком случае уже к концу XVI в., но это могло произойти и значительно раньше.[47] В отношении абазинского языка Г. П. Сердюченко утверждает следующее: «Язык абазин в настоящее время... является языком совершенно самостоятельным, обладающим особенностями, резко отличающими его как от кабардино-черкесского, так и от абхазского».[48]

В книге Г. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии» имеются разделы, посвященные этнической истории абазин. З. В. Анчабадзе не согласен с заключением Л. И. Лаврова о том, что абазины, якобы, «в древности являлись особым народом», а абхазами в средние века следует считать лишь обитателей позднейшей Абхазии. Предки абазин, населявшие в средние века нынешние Сочинский, Лазаревский и Туапсинский районы, занимали одну общую территорию с предками современных абхазов, которые непосредственно соседили с областью расселения абазин. «Все это приводит к выводу, что в рассматриваемый период (то есть к эпоху средневековья.— Е. А.) предки абхазов и абазин составляли одну народность, которая отличалась общностью (разумеется, относительной) языка и территории, а также общностью культуры и хозяйственного уклада.[49] «Об общности культуры предков абхазов и абазин,—продолжает З. В. Анчабадзе,— красноречиво свидетельствуют сравнительные этнографические данные, пережиточно сохранившиеся у их современных потомков». В другом месте З. В. Анчабадзе пишет: «Название а-баз-г/х сохранилось в самоназвании одной из этнических ветвей абхазской феодальной народности, известной впоследствии под названием «абазины».[50] Абазины,— поясняет З. В. Анчабадзе,— «в настоящее время обитают на Северном Кавказе. Состоят из двух этнических подразделений—«тапанта» и «ашхарауа». **В XIX—XX вв. сформировались в самостоятельную народность»**[51] (подчеркнуто мной.— Е. А.).

Таким образом, по мнению З. В. Анчабадзе, в средние века абазины являлись одной из этнических ветвей абхазской народности. В самостоятельную народность абазины сформировались весьма поздно — лишь в XIX—XX вв.

Г. А. Меликишвили объединяет абхазский и абазинский языки в одну подгруппу абхазско-адыгейских языков. К группе абхазско-адыгейских языков,— пишет Г. А. Меликишвили, — относятся **абхазо-абазинский** (подчеркнуто мной.—Е. А.), адыгейский или черкесский, убыхский, кабардинский.[52]

В «Очерках истории Абхазской АССР», вышедших в свет в 1960 г., говорится, что абхазы и абазины представляли собой единую в языковом и территориальном отношениях этническую группу, говорившую на одном языке, имевшем диалектные различия. Абхазы и абазины в прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив. Абазины с незапамятных времен до XIII—XIV вв. (ашхаруа почти до XIX в.) составляли вместе с другими абхазскими племенами одну народность, которая отличалась не только общностью языка и территории, но также общностью культуры, хозяйственного уклада, о чем свидетельствуют, в частности, пережиточные сравнительно-этнографические данные, сохраняющиеся у их современных потомков. Формирование самостоятельной единой абазинской народности, — говорится в «Очерках» далее, происходило на новых местах заселения, начиная с XVIII в., причем на развитие этого процесса отрицательно повлияло насильственное выселение абазин в Турцию.[53]

Этнограф Ц. Н. Бжания считал, что абазины — это часть абхазов, поселившихся разновременно из Абхазии в верховья рек Кубины (Кубани), Большого и Малого Зеленчуков, Урупа, Лабы и других. Восточная ветвь их—тапантовцы—переселялись потоками из Абхазии, начиная с XIV в. Ашхарцы (шхарауовцы) жили в горах Абхазии — в Псху, Ахчыпса, Псанаиан, Хуажве и других местах. Они переселялись на плато бассейнов р. Большой Зеленчук около 100 лет назад.[54]

Из анализа абазинских фамилий, продолжает Ц. Н. Бжания,—явствует, что они некогда жили не только в Асадзы (Джигетия), но и по всей Абхазии. Например, ряд абазинских фамилий встречается в Абжуйской Абхазии.[55]

Родство абхазов и абазин Ц. Н. Бжания показывает на материале тамг. У северокавказских абазин сохранилось много старинных форм клеймения, вывезенных ими из Абхазии. Ц. Н. Бжания выделяет группу тамг, имеющихся и в Абхазии и на Северном Кавказе.[56]

Ш. Д. Инал-Ипа считает абазин частью абхазов. «Абхазский этнический элемент,— пишет он,— представлен на Северном Кавказе. Это абазины, называющие себя «абаза». До XIV в. они жили на своей первоначальной родине, по побережью Черного моря, частично в пределах Малой Абхазии (от Бзыби до Мзымты). Они подразделяются на две основные подгруппы — тапанта и шкарауа. Последние, как полагают, поселились за хребтом значительно позднее XVIII—XIX вв.»[57] Говоря о языке абазин, Ш. Д. Инал-Ипа, основываясь на выводах Х. С. Бгажба, отмечает следующее: «К северу от Кавказского хребта абхазское наречие представлено абазинским языком с его двумя диалектами — тапантским и ашхарским (последний более близок к южноабхазским диалектам). С точки зрения исторического развития абхазского языка можно говорить о тапантском и ашхарском диалектах, как диалектах абхазского языка, ибо не так уж давно абхазы и абазины представляли единую в языковом отношении этническую группу».[58]

Для нашего исследования особый интерес представляет следующее замечание Ш. Д. Инал-Ипа: «... имеются веские основания полагать, **что абазины до своего переселения на Северный Кавказ** представляли собой **обособленную часть абхазского этнического массива,** которая, **населяя северо-западные горные области Абхазии и прилегающие места, в том числе, может быть, частично и какие-то территории за хребтом,** была известна под своим особым племенным названием «ашвуа»[59] (подчеркнуто везде мной. — Е. А.). Таким образом, говоря об этническом единстве абхазов и абазин, Ш. Д. Инал-Ипа полагает, что абазины все же были обособленной группой внутри абхазского этноса и, что для нас особенно важно, считает, что это обособление имело место еще до переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта.

Итак, в советской кавказоведческой литературе существует три точки зрения по вопросу о происхождении абазин.

1. Абазины являются частью абхазов, выселившейся с побережья Черного моря на северные склоны Кавказского хребта. Наиболее четко эта точка зрения сформулирована З. В. Анчабадзе: По его мнению, абазины—часть абхазской феодальной народности, переселившейся на Северный Кавказ в течение XIV—XVII вв. В самостоятельную народность абазины сформировались в XIX—XX вв.

2. Абазины в древности являлись особым народом. Предками абазин являются, очевидно, абазги. Абазины первоначально говорили на убыхском языке. Близость абхазского и ны-

нешнего абазинского языков объясняется тем, что во второй половине I тыс. н. э. мелкие восточнопричерноморские племена, предки абазин, подвергались абхазизации и в отношении культуры и в отношении языка. Эту точку зрения высказал в своих работах Л. И. Лавров.

3. Абазины являются частью абхазов, но обособление абазинской этнической группы внутри абхазского этнического массива произошло еще до переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта. К этой точке зрения склоняется Ш. Д. Инал-Ипа. Он полагает, что еще до переселения на Северный Кавказ эта обособившаяся абазинская группа была известна под названием «ашвуа» (абхазы и до настоящего времени называют абазин-тапантовцев «ашвуа»).[60]

Первую точку зрения нельзя полностью принять хотя бы потому, что абазины, как таковые, известны не только на Северном Кавказе, но и на восточно-черноморском побережье, в том числе и в Абхазии. На восточном побережье Черного моря абазины жили до 1864 года, то есть до выселения в Турцию.[61] Отдельные абазинские фамилии оставались на побережье, в том числе и в Абхазии, и позднее этой даты. Если бы абазины сформировались в народность, отличную и самостоятельную от абхазской только после переселения на северные склоны Кавказского хребта, то на восточном побережье Черного моря абазин бы быть не могло — там должны были остаться только одни абхазы. Ведь обратного переселения абазин с северных склонов Кавказского хребта на побережье Черного моря до начала XX века в истории неизвестно. Значит, абазины должны были сформироваться в народность, отличную и самостоятельную от абхазской, еще до переселения их основной массы на Северный Кавказ.

Что касается второй точки зрения, то полностью мы ее принять не можем. Не считаю себя компетентной в вопросе о том, можно ли не принимать во внимание сходство терминов «абхазы» и «абаза», основываясь на положении Н. Я. Марра о наличии общего корня у большинства племенных названий Северо-Западного и, отчасти, Центрального Кавказа. Насколько это положение Н. Я. Марра верно в свете современной языковедческой науки, должны сказать языковеды. Отмечу, что предания о переселении абазин из Абхазии, вопреки заявлению Л. И. Лаврова, все-таки имеются. Их приводят К. Сталь, С. Басария, К. В. Ломтатидзе, Ш. Д. Инал-Ипа и другие авторы.[62] Приводит такое предание и сам Л. И. Лавров, добавляя при этом, что житель аула Инжиччукун, сообщивший ему это

предание, «плохо разбирался в незнакомой ему географии Черноморского побережья», поэтому его сообщение о первоначальном обитании инжиччукунцев где-то около Сухума Л. И. Лавров склонен считать ошибочным.[63] Здесь хочется только заметить, что у нас нет никаких оснований считать лиц, сообщивших другие варианты преданий о переселении абазин, более компетентными в географии Черноморского побережья, чем данный житель аула Инжиччукун. Л. И. Лавров сам в качестве первоначальных мест обитания абазин указывает Псху и Ахчипсоу, которые находятся на территории современной Абхазии. Наиболее удобные перевалы между Тебердой и Белой ведут не только к современному Адлеровскому и Лазаревскому районам, как утверждает Л. И. Лавров. На этом отрезке известны и перевалы, ведущие в Абхазию,—Клухорский, Марухский и Санчарский, которые постоянно использовались и в древности, и в средние века, и в более поздние периоды, вплоть до настоящего времени.

Рациональным, как нам кажется, является утверждение Л. И. Лаврова, что предками абазин являются абазги. Только вряд ли это были древние абазги, которые, кстати сказать, жили на территории Абхазии (см. следующий раздел). Скорее всего, предками абазин мы можем считать раннесредневековых абазгов, которые имели свою территорию обитания от Бзыби до Нечепсухо (Абазгия Константина, X век).

Таким образом, абазги стали формироваться в абазинскую народность в раннем средневековье, и поэтому нам кажется наиболее приемлемой третья точка зрения, о том, что абазины выделились из абхазцев еще до переселения их (абазин) на северные склоны Кавказского хребта.

Как мы видим, большой вклад в абазиноведение внесли ученые различных специальностей — языковеды, историки, этнографы. С сожалением следует отметить, что археологи вопросами этнической истории абазин вплоть до самого последнего времени не занимались совершенно. Советскими исследователями много сделано в изучении проблем языка, истории и культуры абазин. Но приходится признать, что многое еще остается спорным и неразрешенным.

Попытаемся теперь, основываясь на новейших данных, имеющихся по интересующим нас вопросам, представить себе, как конкретно проходили процессы этнического развития абазинской народности.

Древние предки абхазов и абазин.
Кашки и абешла.

Еще в III—II тыс. до н. э. в северо-восточных районах Малой Азии жили племена кашков или абешлайцев.[64] Названия этих племен увязываются с наименованием адыгов — касоги, кашаги и абхазов — апшилы. В конце III тыс. до н. э. кашки — абешла переселилась из Малой Азии на Западный Кавказ. Причины передвижения этих племен исследователи усматривают в интенсификации процессов классообразования и в агрессивной политике со стороны внешних захватчиков.[65]

Племена кашков-абешла многие авторы считают возможными предками черкесов (кашаков) и абхазов (апшилов-апсилов). Кроме сходства этнических наименований, в обоснование своей теории ее сторонники приводят еще два обстоятельства:

1. Некоторые языковеды считают, что в кавказских языках есть элементы, роднящие эти языки с мертвыми языками Передней и Малой Азии.

2. На территории Грузии есть топонимы абхазо-адыгского происхождения, которые являются следами продвижения абхазо-адыгских племен с юга, из Малой Азии, на Северный Кавказ через Грузию.

Так, согласно В. В. Струве, каскейские племена—возможно, абхазо-черкесские.[66] М. М. Дьяконов, говоря о событиях, происходивших около 1200 г. н. э., пишет, что «наряду с мушками, на восточных территориях бывшего Хеттского царства (северо-западнее верхнего Евфрата), в то же время играли большую роль племена каскайцев и другие, относившиеся, вероятно, к абхазо-черкесским племенам кобанско-колхидской культуры».[67]

Г. А. Меликишвили также считает, что «когда-то, в глубокой древности», предки иберийско-кавказских племен пришли в Закавказье и на Северный Кавказ «откуда нибудь, скорее всего, с юга». Этими предками, очевидно, были кашки, племена, этнически близкие протохеттам, жившие во II тыс. до н. э. в горных районах Малой Азии и проникавшие в Переднюю Азию. Согласно Г. А. Меликишвили, кашками хетты называли не какую-нибудь одну определенную этническую группу (например, прото-адыгов), а всех горцев северо-восточной части Малой Азии, в том числе и предков грузин. В течение длительного времени кашкайские племена двигались с юга на север, расселяясь в Закавказье и на Северном Кавказе.[68]

Эту точку зрения разделяет Е. С. Шакрыл.[69] Однако она

считает, что кашки (адыги) и абешла (абхазы) сформировались как отдельные этнические общности на территории Малой и Передней Азии. «В далеком прошлом,—пишет Е. С. Шакрыл,—в северо-восточной части Малой Азии жил какой-то могущественный народ, название которого историей пока не установлено, условно его можно назвать абешлакашским и его язык — тоже абешлакашским. Следует признать, что абешлакашский язык до его распадения на отдельные языки имел несколько диалектов, из которых основными были три — абешлский, кашкайский и эпехский (апех — самоназвание убыхов)».[70] Затем абешлакашский язык распался на три языка — абешлский (абхазский), кашский (адыгейский) и апехский (убыхский). Когда и где это произошло, Е. С. Шакрыл четко не формулирует, но из ее изложения можно понять, что этот распад имел место еще в Малой Азии. Убыхов, следуя за П. К. Усларом, Е. С. Шакрыл считает самостоятельным народом, с самостоятельным языком, хотя и близкородственным абхазскому и адыгскому языкам.[71]

О передвижении кашков и абешла на Кавказ Е. С. Шакрыл пишет следующее: «Примерно в конце II и в начале III тысячелетия до н. э. (??—Е. А.), происходило медленное и постепенное передвижение кавказских горцев, в том числе кашкайцев и абешлайцев из Малой Азии на Северный Кавказ. Путь адыгов и абхазцев через Грузию можно проследить на топонимике».[72] (В качестве примера приводятся два абхазских названия с территории Грузии и из работы А. Чикобава, три топонима абхазо-адыгского происхождения с территории Западной Грузии). Элементы адыгской топонимики имеются в Абхазии. Продвижение абхазо-адыгских народов с юга на Кавказ завершается, согласно Е. С. Шакрыл, примерно в I тыс. до н. э. Об абхазо-адыгских племенах на восточночерноморском побережье уже говорят античные авторы VI—IV вв. до н. э. Пришельцы нашли здесь местное население. «Длительная борьба языков местного населения с языками пришлых народов,—заключает Е. С. Шакрыл,—завершается победой языков пришлых народов, то есть абхазо-адыгских, так как эти народы, очевидно, обладали более высокой культурой по сравнению с культурой местного населения».[73]

Несколько иначе рассуждает Ш. Д. Инал-Ипа.[74] Он допускает такую возможность — древнеабхазские, адыгские и западногрузинские народности могли образоваться из исторического развития родственных племен, занимавших Кавказское Причерноморье.[75] В своей новой работе Ш. Д. Инал-Ипа пишет:

«...имеются данные (правда, не вполне еще убедительные), об этническом родстве хаттов, кашков (касков), абешлайцев, а всех их вместе — с абхазо-адыгской группой, причем хаттско-абхазо-адыгская семья в III—II тыс. до н. э. территориально простиралась от центральной части Северного Кавказа и до восточной Малой Азии».[76] В другом месте Ш. Д. Инал-Ипа замечает: «Если «апсилы» и «абешла» действительно представляет собой одно и то же этническое название, то это может означать или то, что **абешла продвигались после XII—XI вв. до н. э. из Северо-Восточной Малой Азии вдоль Кавказского Причерноморья** (подчеркнуто мной. — Е. А.) (на территории нынешней Абхазии их застают греко-римские авторы под именем апсилов), или же то, что все указанное юго-восточное Черноморское побережье занимали абешло-кашко-апсилы и другие родственные племена, связанные между собой, так сказать, надэтнической общностью, из которых часть дошла до нас в составе современного абхазского и адыгского народов».[77]

Кроме языковедов, историков и этнографов, теорию о переселении с юга кашков и абешла признают и некоторые археологи, в частности — Л. Н. Соловьев. На рубеже III—II тыс. до н. э., по мнению Л. Н. Соловьева, из Малой Азии происходит вторжение кашков, племен, «по всей вероятности родственных южно-дольменному населению». Кашки, слившись с «южно-дольменными» племенами, дали абхазо-адыгейско-черкасско-кабардинскую народность».[78]

Теория продвижения кашков и абешла на Кавказ может быть признана вероятной, однако археологическими материалами продвижение кашков и абешла на Северо-Западный Кавказ пока не подтверждается.[79]

Что касается признания носителей дольменной культуры как этнического компонента в этногенезе абхазов и адыгов, то эта мысль вполне рациональна. В связи с этим скажем несколько слов о дольменах.

Дольмены

Дольмен — наземный склеп. Обычно он состоял из четырех плит, стоявших вертикально, покрытых пятой плитой. В передней стенке имелось круглое или прямоугольное отверстие. Были дольмены и другого типа — дольмены-монолиты и другие. Время их постройки — III—II тыс. до н. э.

Выше мы приводили мнение Л. Н. Соловьева о том, что в носителях южнодольменной культуры он видит далеких предков абхазского народа. З. В. Анчабадзе писал: «эпоху процве-

тания дольменной культуры в Абхазии, то есть период с начала ранней бронзы и вплоть до конца средней бронзы следует рассматривать как начальную стадию формирования древнеабхазского этноса».[80]

Я. А. Федоров развивает эту мысль. По его мнению, дольмены Западного Кавказа принадлежат далеким предкам абхазов. Дольмены — погребальные сооружения протоабхазов.[81] Следовательно, абазины — в лице их предков — протоабхазов—проникали на Северный Кавказ еще в III—II тыс. до н. э. В Карачаево-Черкесии дольмены и дольменовидные гробницы обнаружены на реках Теберда, Кяфар (р. Кривая) и Индыш.[82] Здесь они датируются несколько более поздним временем —III— началом I тыс. до н. э.[83] Таким образом, если следовать точке зрения Я. А. Федорова, протоабхазы селились на территории Карачаево-Черкесии уже в столь далекие времена.

Но большинство ученых в настоящее время связывают дольменную культуру не только с протоабхазским этносом, но и с древним абхазо-адыгским этносом.[84] Очень возможно, что дольмены оставлены предками абхазо-адыгов, в том числе и протоабазинами. Интересны в этом отношении соображения В. И. Марковина. Говоря о дольменах на р. Теберде, В. И. Марковин замечает, что они могли быть оставлены племенами, проникшими через Клухорский перевал из Абхазии. «Территория, занятая дольменовидными гробницами (в Карачаево-Черкесии. — Е. А.) близка землям абазин».[85]

О Майкопской надписи

Близ Майкопа найдена каменная плита с надписью. Г. Ф. Турчанинов считает, что эта надпись древнеабхазская и датируется XIII — XII вв. до н. э.[86] Русский перевод надписи следующий: «Этот (город) кому принадлежащий, — царь великий, наш царь МНР есть! Город А/и-а его собственность есть! Правитель Хз его соорудил (в месяц Сева), в 21 году (на самой окраине страны Гор)»[87].

Чтение и датировка этой надписи многими учеными оспариваются.[88] Не считаю себя компетентной на предмет чтения самой надписи и хочу лишь заметить, что исторические выводы, сделанные Г. Ф. Турчаниновым, исходя из чтения данной надписи, археологическим материалом не подтверждаются. В частности, не подтверждается заявление Г. Ф. Турчанинова о том, что, согласно Майкопской надписи, в районе Майкопа находился город А(и)а, имевший важное торговое и стратегическое

значение.[89] Прежде всего, надо отметить, что на Северо-Западном Кавказе еще не найдено крупного поселения XIII—XII вв. до н. э., которое мы могли бы назвать городом, хотя эта территория хорошо изучена исследователями Н. В. Анфимовым и другими археологами. Не найдено ни одного поселения XIII—XII вв. до н. э. и в районе Майкопа. В окрестностях Майкопа, в местности Коэш, в месте находки Майкопской плиты, пока обнаружено только поселение меотской культуры, относящееся к концу IV — III вв. до н. э.[90]

Все сказанное выше не означает, что мы отрицаем возможность проникновения протоабхазских элементов на Северо-Западный Кавказ во II тыс. до н. э. Как отмечалось выше, дольмены и дольменообразные гробницы, которые можно связать и с протоабхазами, говорят об инфильтрации протоабхазов, а следовательно, и протоабазин на северные склоны Кавказского хребта и в III — II и во II — I тыс. до н. э.

Апсилы, абазги, саниги, мисимиане, зихи

Несмотря на некоторые разногласия в вопросах абхазо-абазинского этногенеза, исследователи сходятся в мнении о том, что предки абхазов и абазин занимали территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря, к северо-западу от Абхазии, примерно до Туапсе.[91]

На рубеже н. э. здесь обитало множество родственных племен. В начале н. э. население современной Абхазии консолидируется в довольно крупные племенные союзы — апсилов, абазгов, санигов, мисимиан.[92] К северо-западу от этих племенных объединений размещались зихи. На карте Г. А. Меликишвили «Грузия и сопредельные области в первые века н. э.» джики-зихи занимают восточное побережье Черного моря. Северный предел их расселения находится севернее Туапсе, южный — южнее Сочи, около Гагр. Далее на юго-восток по побережью от Гагр до Сухуми размещены абасги (абазги). За ними в горных районах побережья помещены саниги (прежние гениохи). К юго-востоку от абазгов и санигов, по реке Кракс-Кодор, начиная от ее устья, жили апсилы.[93] Первое упоминание об абазгах имеется у греческого автора II в. Флавия Арриана.

В VI в. об абазгах упоминает Прокопий Кесарийский, локализующий их северо-западнее апсилов по восточному побережью Черного моря.[94] Выше мы приводили отрывок из Армянской географии VII в., где сказано, что на Кавказском берегу

в стране абазгов «живут апсилы и абазги до приморского своего города Севастополиса». Таким образом, в VII в. абазги обитали между апшилами (апсилами) и городом Севастополисом (Сухуми),[95] то есть в пределах нынешней Абхазии.

Саниги, очевидно, помещались к северо-западу от абазгов.[96]

Зехи-зихи, судя по данным Анонима V в. и Прокопия, обитали северо-западнее санигов.[97]

Большинство исследователей в настоящее время приходит к выводу, что апсилы, абазги, саниги, мисимиане и, отчасти, зихи являются древними предками абхазов и абазин. Название «абазги» стало названием не только абхазского народа, но и сохранилось в самоназвании абазин «абаза». Самоназвание абхазов «апсуа», скорее всего, происходит от названия «апсилы».[98]

Что касается зихов, то они явились тем ядром, вокруг которого консолидировалась адыгская народность. Однако вполне вероятно, что какая-то группа зихов, соседившая с абазгами и санигами, могла принять участие в формировании абхазо-абазинской этнической общности. По мнению Л. И. Лаврова, «южная часть зихов во второй половине I тысячелетия оказалась в более тесных связях с Абхазией, нежели с северной половиной зихов, в результате чего явилось распространение абхазского языка на Черноморском побережье за р. Туапсе».[99] Далее Л. И. Лавров замечает, что грузинские авторы знают три термина: «черкези», «ахази» и «джики». Этим последним термином они именовали абазин.[100] Комментируя это положение Л. И. Лаврова, З. В. Анчабадзе указывает, что термин «джики» в грузинских источниках менял свое значение. Этим термином именовались и западные адыги.[101]

Относительно этнической принадлежности мисимиан существуют разные точки зрения. Их считали осетинами (В. Б. Пфаф), каким-то особым племенем (С. Н. Джанашиа), сванами (С. Г. Каухчишвили, Г. А. Меликишвили).[102] Ш. Д. Инал-Ипа, на наш взгляд, убедительно показал, что мисимиане являются древнеабхазским племенем, близким апсилам.[103]

Санигов Г. А. Меликишвили предположительно считает сванами,[104] Л. И. Лавров—санами-женами,[105] но большинство исследователей связывает санигов с абхазо-абазинским этническим массивом. Корень «сан» сохранился в географическом названии Сан-Дрипш или Цандрипш.[106] Л. И. Лавров в ранних работах отмечал, что слово «саниги» слышится в названии сан-

дов или чандов — одного из абазинских племен, живших до 1864 г. около нынешнего города Адлера.[107] З. В. Анчабадзе и Ш. Д. Инал-Ипа полагают, что саниги это садзы.[108] Название «джики» восходит к слову «зихи»,[109] оно еще в XIX в. сохранялось на восточном побережье Черного моря в форме «джикеты» или «джигеты. Как известно, джикетами (джигетами) именовалось племя садзов.[110] Садзы-джикеты делились на восемь ветвей: Псху, Ахчипсоу, Айбга, Цандрипш, Гечба (Кеч), Аредба, Цвинджа, Бага.[111] Большинство исследователей относит садзов к числу абхазских этнических групп.[112]

А. М. Дирр упоминает садзов-джигетов, перечисляя абазинские «колена» (которые он, впрочем, считает абхазскими).[113] Л. И. Лавров отмечает, что в XIX веке садзы-джигеты говорили по-абазински. Связь северокавказских абазин с садзами-джигетами доказывается и тем, что общество «Баг» было как у абазин, так и у джигетов. Князья и общество Кеч существовали и у абазин и у джигетов, причем джигеты Кеч обитали на реке Кеч, притоке реки Мзымты.[114] Х. С. Бгажба, ссылаясь на свидетельство автора XIX в. Г. Филипсона о существовании у джигетов «особенного наречия асадзипсуа», замечает, что в наречии асадзипсуа «мы имеем абхазо-абазинский диалект».[115] Некоторые авторы указывают на связь садзов-джигетов с убыхами[116]—самостоятельным народом, родственным как абхазам, так и адыгам.

Таким образом, садзы являются этнической группой, близко родственной абазинам, может быть, их следует причислить к южным абазинам, как полагают некоторые авторы. Как мы увидим из дальнейшего изложения, этот вывод представляет для нас немаловажный интерес.

Итак, предками обхазов и абазин являются апсилы, абазги, мисимиане, саниги и отчасти — зихи, вместе с «поглощенными» ими ахеями. Формирование абхазо-абазинской этнической общности происходило на большой территории, включающей современную Абхазию и прилегающее к ней восточное побережье Черного моря вплоть до Туапсе.

Формирование абхазской и абазинской народностей (рубеж I—II тысячелетия н. э.)

Проблемой формирования абхазской народности специально занимались З. В. Анчабадзе[117] и Ш. Д. Инал-Ипа.[118]

Как справедливо отмечает Ш. Д. Инал-Ипа, начальный

этап образования народности относится к периоду формирования прочных союзов племен. Существование же таких союзов абхазских племен, по данным Плиния и Арриана, в I—II вв. н. э. было уже давно свершившимся фактом. К концу I в. н. э. сложилось несколько «царств» или «княжеств» с местными правителями во главе — «княжества» апсилов, абазгов, санигов и др. Возникшие «княжества» по существу являлись союзами племен, находившихся на стадии военной демократии, но с некоторыми зачатками государственности. Близкое соприкосновение с античными колониями способствовало социально-экономическому и политическому развитию края. Из четырех основных союзов абхазских племен главными являлись апсилы на юго-востоке и абазги на северо-западе. Другие племена и племенные союзы — саниги, мисимиане, южная часть зихов — ассимилировались этими двумя наиболее сильными племенными объединениями. Процесс формирования абхазской народности был длительным, и завершился он, в основном, в VIII в., с образованием Абхазского княжества с единым правителем во главе. С середины VIII в. ни апсилы, ни саниги, ни мисимиане в источниках почти не упоминаются — речь идет уже об одних абхазах. Так, Джуаншер, описывая события 30-х годов VIII в., говорит уже не об отдельных абхазских племенах, а только об «абхазах».[119]

Возникновение Абхазского княжества, которое являлось образованием раннефеодального типа, имело большое значение в процессе становления абхазской народности. Существование государства способствовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры, знаменовало собой разрушение племенных преград, создавало благоприятные условия для консолидации абхазов. Ядром, вокруг которого происходила консолидация абхазской народности, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, были абазги.[120] З. В. Анчабадзе держится несколько иной точки зрения. По его мнению, «в основу образования единого языка абхазской народности ложится косвенно апсильский диалект; во всяком случае, он сыграл важную роль в этом. На это, возможно, указывает и то обстоятельство, что самоназвание апсилов было принято как самоназвание всей абхазской народности—«апсуа».[121] Нам кажется, что в этом вопросе более прав З. В. Анчабадзе — по-видимому, основным ядром, вокруг которого консолидировалась абхазская народность, были апсилы.

Таким образом, в VIII в. сложилась, в основном, абхазская

народность (абхазская «феодальная народность», как ее называет З. В. Анчабадзе), из которой впоследствии выделилась абазинская народность. Когда же началось формирование абазинской народности, отличной и самостоятельной от абхазской и когда же этот процесс завершился?

Этот процесс не мог начаться ранее VIII в., так как до этого времени ни у населения Абхазии, ни у племен, обитавших вдоль по восточному берегу Черного моря, северо-западнее Абхазии, еще не было феодальных отношений, а следовательно, еще не существовало условий для возникновения народности. В VIII в. у населения Абхазии уже было государственное образование раннефеодального типа. В течение VIII—X вв. складывались феодальные отношения и у населения Северо-Западного Кавказа, в том числе, у зихов.[122]

Завершился процесс образования абазинской народности, как нам кажется, еще до переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта.

Так, Константин Багрянородный (X в.) сообщает, что «от конца Зихии, то есть от реки Никопсиса, побережье занимает Авазгия до города Сотириуполя на протяжении 300 миль». Сотириуполь обычно сопоставляется с Пицундой, находящейся несколько южнее реки Бзыбь; река Никопсис—река Нечепсухо, несколько северо-западнее Туапсе. Как мы видим, Константин «Авазгией» (или «Авасгией») называет не всю территорию, населенную в средние века абхазами (от реки Галидзга и далее, на северо-запад).[123] «Авазгия» Константина располагалась в северо-западной части современной Абхазии, начиная от Пицунды и Бзыби и далее, по восточному побережью Черного моря вплоть до Туапсе и несколько севернее.[124] Короче говоря, названа именно та местность, которая исследователями обычно связывается с областью древнего обитания абазин. Думается, что именно в Авазгии Константина обитали абазины, представлявшие уже в тот период (X в.) обособленную часть абхазо-абазинского этнического массива.[125] Может быть, абазги, жившие до этого времени между Сухуми и р. Бзыбью, в этот период расселились и северо-западнее реки Бзыбь и именно абазги стали ядром формирования абазинской народности, как полагает Л. И. Лавров.

Возможно также, что кроме абазин, в Авазгии жили и другие этнические группы, родственные как абхазам, так и адыгам.

Позднее территорию к северо-западу от реки Бзыби вплоть до р. Шахе населили садзы-джигеты и убыхи. Выше уже отмечалось, что ряд исследователей считает садзов-джигетов юж-

ными абазинами и что устанавливается родство между садзами-джигетами и убыхами. Как мы говорили выше, название юго-восточной ветви убыхов «сасше» связано с названием джигетов — «садзы». В работах Л. И. Лаврова показана этническая связь садзов-джигетов и абазин. В частности, указывается, что у тех и других есть род Кяч и общество Баг. Кяч, как известно, — подразделение клычевцев (абазин-тапантовцев), Баг — ветвь абазин-шкарауовцев. Напомним также, что у джигетов были ветви Псху и Ахчипсоу, и северо-западная часть убыхов называлась вардане. Псху, Ахчипсоу и Вордане, как отмечалось, — исходные пункты переселения абазин.[126] Таким образом, сады-джигеты, а возможно, и убыхи, оказываются связанными в этническом отношении с абазинами, причем не только с шкарауовцами, но и с тапантовцами.

Но ведь эти родственные абазинам этнические группы обитали на бывшей территории Авазгии Константина! Не является ли это обстоятельство подтверждением мысли о том, что именно Авазгия была местом формирования абазинской народности, уже выделившейся во время Константина (X в.) из абхазо-абазинской этнической общности?

Позднее абазины из Авазгии стали расселяться на север и на юг, очевидно, до Кодора.

Таким образом, есть основания полагать, что образование древнеабазинской народности, отличной и самостоятельной от абхазской, падает на конец I тыс. н. э., когда у всех компонентов, из которых образовалась абазинская народность, в том числе и у зихов, уже существовали феодальные отношения и когда абазины, представлявшие уже обособленную от абхазцев этническую группу, занимали определенную территорию — очевидно, этой территорией была местность между Бзыбью и Туапсе, названная Константином Авазгией. Может быть, к этому времени данная группа имела уже свое название — абхазы называли ее «ашва», как полагает Ш. Д. Инал-Ипа (см. выше). Грузины, возможно, называли их джиками — ведь именно на территории Авазгии Константина располагалась Джикетия грузинских авторов. Уже в X в. могло возникнуть и самоназвание абазин «абаза», что и дало повод именно эту территорию (а не территорию современной Абхазии) в X в. именовать «Авазгией», «Абазгией».

В основе самоназвания абазин «абаза», вероятно, лежит древнее название «абазги».

Переселялись на северные склоны Кавказского хребта абазины уже будучи «абаза», а не абхазцами—«апсуа».[127]

Об этнической принадлежности средневековых погребений с трупосожжением Северо-Западного Кавказа

В своих предыдущих работах мы попытались привести данные археологии для решения вопроса о происхождении и расселении абазин.[128]

Изучая археологические материалы Абхазии и Северо-Западного Кавказа, мы пришли к следующим выводам.

Обряд трупосожжения характерен для древних и раннесредневековых могильников Абхазии. На территории Абхазии кремационный обряд захоронения существовал с X в. до н. э.[129] Он практиковался в течение I тыс. до н. э.[130] Встречаются погребения с трупосожжением и в раннесредневековых памятниках — могильниках Цебельдинской культуры II—VI вв.[131] Цебельдинские могильники связываются с апсилами, абазгами и другими племенами,[132] которые являлись предками абхазов и абазин.

После VI в. обряд трупосожжения в Абхазии исчез. Очевидно, это объясняется тем, что в Абхазии стала официальной христианская религия.[133]

Но обряд кремации в период раннего средневековья стал распространяться на Северо-Западном Кавказе.[134] Нам известно 20 могильников с трупосожжением в Восточном Причерноморье, 7 могильников в Закубанье и 2 — на территории Карачаево-Черкесии.[135]

Некоторые исследователи считают эти трупосожжения славянскими, тюркскими.

Но еще в 1959 г. мы высказали предположение, что искать истоки кремационного обряда погребения средневековых могильников Северо-Западного Кавказа нужно не на Днепре у славян и не у тюрок в Средней Азии и в Сибири, а гораздо ближе, в соседней Абхазии.[136] В качестве рабочей гипотезы мы предложили средневековые кремационные погребения Северо-Западного Кавказа считать оставленными предками абазин и самими абазинами, коль скоро обряд трупосожжения в древности для местного населения Северо-Западного Кавказа был чужд, а в Абхазии у предков абхазов и абазин он существовал с I тыс. до н. э.[137] Может быть, дальнейшие археологические исследования и внесут коррективы в нашу точку зрения, но пока мы считаем ее наиболее приемлемой из всех существующих на этот счет гипотез.

Расселение абазин по восточному берегу Черного моря в V—XVII вв.

Предки абазин, а затем и сами абазины жили не только в тех местах восточнопричерноморского побережья, которое являлось их прародиной, то есть в Абхазии и к северо-западу от нее, вплоть до Туапсе. Постепенно они расселялись и дальше, к северо-западу от Туапсе, по морскому побережью и жили здесь среди адыгов. С какого же времени началось это расселение?

Если принять наше положение об абазинской принадлежности обряда трупосожжения в средние века в этих местах, то можно сказать, что продвижение абазин по восточному берегу Черного моря на северо-запад от основной территории их формирования началось с V—VI вв. (могильник V—VI вв. Сопино у Новомихайловского, Борисовский могильник, 1 и 2 группы, V—VII вв.,у Геленджика). В VIII—IX вв. это продвижение становится более интенсивным, количество трупосожжений увеличивается (трупосожжения VII—VIII вв. на реке Дюрсо у Новороссийска, трупосожжения на реке Жанэ, VIII—IX вв., Архипо-Осиповка, VIII—IX вв., Борисовский могильник, 3 группа, VIII—IX вв.). С X по XV вв. включительно трупосожжение становится обычным видом погребального обряда (наряду с трупоположением). Особенно характерно трупосожжение для X — XII вв. В некоторых могильниках кремация явно преобладает над трупоположением (могильник в Грушовой балке у Новороссийска). Это может говорить о том, что абазины (уже не предки абазин, а абазины как таковые) в X—XV вв. населяли побережье Черного моря вплоть до Анапы и Раевской (где известны самые северные, вернее — северо-западные могильники с трупосожжением). Здесь следует еще раз подчеркнуть, что абазины на восточном побережье Черного моря в северо-западном его секторе жили чересполосно с адыгскими этническими группами — об этом говорят как археологические памятники (сочетание обряда трупоположения с трупосожжением), так и письменные источники, о чем будет сказано дальше.

Известно, что в первый период раннего средневековья, начиная с V в. н. э., зихи-адыги обитали до реки Шахе или Псезуапсе, которая была их южным пределом. Далее на юго-восток, согласно карте З. В. Анчабадзе «Абхазия в VI—VII вв.», начиная от реки Мзымты, в Адлеровском и Гагринском районах до Бзыби жили саниги, и к юго-востоку от Бзыби — абазги.

Терррритория между Мзымтой и Псезуапсе, очевидно, была занята какой-то абхазо-абазинской этнической группой, не учтенной раннесредневековыми авторами.

Для VIII — IX вв. нет точных данных о том, где проходила граница между адыгами и абхазо-абазинами. З. В. Анчабадзе доводит северную границу Абхазского княжества (VIII в.), а затем и Абхазского царства (IX в.) до реки Нечепсухо, причем Никопсия включается в пределы этого последнего.[138] Здесь хочется только напомнить, что автор рубежа VIII—IX вв. Епифаний называл Никопсию не абхазским, а «зихийским» городом.[139] Константин Багрянородный (X в.), грузинские авторы XI в. и более поздние источники Авазгию-Абхазию помещают к юго-востоку от Никопсии.[140] Таким образом, Никопсия становится твердой границей между зихами-адыгами и абхазо-абазинами, точнее—между адыгами и абазинами, так как, по нашему мнению, начиная с X века можно говорить уже об абазинах как таковых в пределах Авазгии Константина—от Никопсии до Пицунды. В пределах Авазгии, как отмечалось, могли жить и адыгские этнические группы. До XIII в. Никопсия являлась северной границей Абхазского эриставства.[141]

Абазины, абхазы и грузины под именем «обезов» упоминаются в русских летописях XII—XIV вв. Однако внести какие-то уточнения в локализацию абазин и абхазов на основании русских источников этого времени не представляется возможным.

В XIV—XV вв., судя по данным итальянских источников, граница территории, населенной зихами («Зихия») значительно отодвинулась на юго-восток.. Может быть, это объяснялось экономическим и политическим упадком Абхазии в XIII—XIV вв.[142] На карте Фредунция Анконского (1497 год) Зихия помещена на побережье Черного моря и в Закубанье, а к юго-востоку от нее, начиная примерно от Сочи, располагается Аугассия.[143] Интериано южной границей Зихии считает Аугассию и Као-де-Бусси.[144] Као-де-Бусси исследователи XIX—XX вв. локализуют в районе Гудаут или Пицунды, во всяком случае — не севернее Мзымты.[145] Археологические памятники адыгов также известны на Мзымте (в Красной Поляне — курганный могильник XIII—XV вв.), южнее они пока неизвестны. По-видимому, в XIV—XV вв. граница между адыгами и абхазо-абазинами проходила в районе Сочи и Мзымты. Впрочем, это отнюдь не означает, что в этот период абазинские этнические группы не могли жить и северо-западнее этой границы. Напро-

тив, как показывают археологические памятники — курганные могильники с трупосожжением, абазины жили в XIV—XV вв. на восточном побережье Черного моря среди адыгов вплоть до Анапы. По словам автора XVI в. Герберштейна, «при реке Кубани, впадающей в болото, живет народ Афгазы».[146] По мнению многих исследователей, речь идет об абхазах, а точнее, учитывая время и показания других источников,—под афгазами следует понимать абазин.

Обратимся теперь к данным авторов XVII века. Ламберти называет абхазов, наряду с зихами и аланами, народом, ближайшим к Мингрелии.[147] В другом месте Ламберти отмечает, что «с северной стороны ближе всех (к мингрельцам) живут те кавказцы, которых турки называют абазинами или абкасами».[148] Д'Асколи, в числе народов, живущих вокруг Черного моря, упоминает и аббазу. Далее Д'Асколи называет порты Мамати и Аббаза.[149] Витсен также говорит, что у абхазцев (абазов) имеется порт Абаза. Народ абаза, по Витсену, граничит с Мингрелией, от которой отделен рекой Суум (?), а на западе рекой Кабан (Кубань), которая течет по Татарии до Азака.[150] Здесь, как мы видим, речь идет и об абхазах, и об абазинах — эти две народности автор не разделяет.

По словам Жана де Люка, абхазы являются южными соседями черкесов. От Абхазии до Кудесчио (Кудочио) — первой из деревень, лежащей в стране черкесов, — 140 миль.[151] Таким образом, границей между абхазами и черкесами, согласно Жану де Люку, является Кудесчио-Кудочио-мыс Кодош у Туапсе, по мнению исследователей.

Эвлия также указывает, что границей между черкесами и абазинами является Кютаси-мыс Кодош у Туапсе, по мнению Ф. Бруна и других авторов.[152]

Перечисляя «роды», населяющие «край Абазе»,[153] Эвлия первым с юга называет род Чач, живущий к северо-западу от реки Фаше (Фазис-Рион). Далее на северо-запад находился род Арлан, и еще дальше — Чанды и Большие Чанды, в земле которых был порт Чанда. Эти два рода обитали между Бзыбью и Псоу, по Гагринскому заливу и по реке Цандрипш.[154] Ф. Брун, ссылаясь на карту Белля, отмечает, что гавань Чанда была расположена на небольшом расстоянии к северо-западу от Гагр.[155] Через горы, в стороне от порта Чанда и рода Больших Чанда был расположен край черкесов мамшух.

Далее на северо-запад от Больших Чанда по побережью Черного моря, согласно Эвлии, находился род Кечи. Как пола-

гает Ш. Д. Инал-Ипа, Кечи (Гечь) жили в нижнем течении реки Псоу.[156] К северо-западу от Кечи жил большой род Арт. Здесь был порт Арклар или Артлар. Ф. Брун считает, что этот порт находился в устье реки Мзымты, к северу от мыса Адлер.[157] Ш. Д. Инал-Ипа разделяет это мнение.[158] Другой в местности Арт-Люш, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа,—порт Лиапорт ше.[159] Далее к северо-западу от рода Арт, по словам Эвлии, находился край Садеши (или Садша). Садше говорили «и по-абазински и по-черкесски», — замечает Эвлия. Садша — это садзы-джигеты.[160] Далее находился род Камыш (Хамыш).

Как отмечает Л. И. Лавров, местность Хамыш имеется в долине Мацесты.[161] Еще далее Эвлия упоминает род Суча (Суджа), которых в другом месте он именует Вапика.[162] Ф. Брун считал суджов-ссадше убыхами.[163] А. Н. Генко также пишет, что вапиха-вайпиха это убыхи (от слов Вайя-Гоайе-Гуайя-Гъуэйе—название приморской черкесской общины и «пех», «пьох» — самоназвание убыхов).[164] Располагались суча-суджа, они же саше-вапиха-убыхи, на р. Суча-Сочи. К северу-западу отсюда Эвлия упоминает еще род Джембе (?), а затем—боздуков-бжедугов. Согласно Л. И. Лаврову, причерноморские бжедуги жили в районе современного поселка Дагомыс, несколько северо-западнее Сочи.[165]

За боздуками располагался род Осовиш-Субиш. А. Н. Генко, ссылаясь на Л. Люлье, называющего реку Шахе-Субешис, считает, что осовиш-субиш-субешес жили на реке Шахе.[166] Недалеко от них обитал род Ашгили (Ашегали). Все исследователи, занимающиеся этим вопросом, справедливо полагают, что этот род размещался на р. Аше. За ашегали Эвлия называет еще деревню Атеми и далее род Совук-Су (Суук-су), живший на реке того же названия. По А. Н. Генко — река Суук-су это река Шуук, которую называет Л. Люлье.[167] Реки Суук-су (Соуте-су) и Су-Башу (Сибасу), текущие «в Абхазии», упоминает и Жан де Люк.[168] В наименовании второй из этих рек нетрудно узнать название рода субиш-субешис, упомянутого у Эвлии. Наконец, последний род — Абаза-Кутаси (Кютаси)—живший на мысе Кодош у Туапсе, как уже было сказано выше. Далее к северу от них обитали черкесы Жане (жанеевцы). Впрочем, в другом месте своего рассказа Эвлия пишет, что край Абазе отделяет от Черкесии мыс, на котором помещалась крепость Анапа. Но надо думать, что здесь речь идет об абазе-абазинах, живших среди адыгов на побережье Черного моря. Во всяком случае, эти анапские абазе располагались значительно северо-

западнее черкесского «племени» жанов-шанов, о которых пишет Эвлия как о соседях абазов — Кютаси.

Итак, исходя из описания Эвлии, можно представить себе, что собственно абхазы жили до Бзыби. Далее же располагались абазинские этнические группы и родственные им этнические подразделения: между Бзыбью и Псоу—два рода Чанда (Цандрипш— одна из ветвей джигетов); Кеч-Геч— также одна из ветвей джигетов — в нижнем течении реки Псоу. Далее, на Мзымте, у Адлера — род Артлар. Далее располагались Садша, то есть собственно садзы-джигеты, очевидно, до Мацесты, где помещался род Камыш-Хамыш. В районе Сочи жили Суча-суджа-убыхи, а к северо-западу от них — Субешис на реке Шахе, Ашегали на реке Аше, Суук-су на реке Шуук и Кютаси на Кадошском мысу у Туапсе. Любопытно замечание Эвлии о том, что садша говорили по-абазински и по-черкесски—это свидетельствует о некоторой языковой черкесизации джигето-абазинских этнических групп. Необходимо учесть также данные Эвлии о том, что среди джигето-абазинских групп жили адыги-боздуки-бжедуги и хамыш, которые, очевидно, также следует считать ветвью бжедугов — хамышеевцами. Упоминание же об Абазе в районе Анапы свидетельствует о проживании абазин среди адыгов северо-западнее Туапсе (см. карту № 3).

Нарисованную здесь картину нельзя понимать сугубо статично. Безусловно, и в этот период, как и раньше, и позднее происходили не только процессы ассимиляций одних этнических групп другими, но и передвижения самих этих групп. В частности, в XVII. в. и позднее, вплоть до XIX в., происходили миграции черкесского населения на юго-восток по Черноморскому побережью.[169]

Кроме прибрежных абазе, Эвлия называет и «роды Абазе», находящиеся в городах—Пушрехи (Псху), Ахченеси (Ахчисы), Беслеб, Мелкие (Мункел-Лебе), Вай-Пига, Багрес (Яграс, Чаграй), Элькурейш (Ала-Корейш), Чимакурс (Чичакорес), Маджар (Мача), Яйхарш (Панчареш).[170] А. Н. Генко предлагает читать эти названия следующим образом: Псху, Ахчипсоу, Башильбай (Мысылбай), Мекельрипш, Убыхи, Багрипш (баг).[171] Псху и Ахчипсоу—ветви джигетов, баг и башилбай — этнические подразделения абазин — шкарауовцы. Таким образом, и в горных районах Восточного Причерноморья обитали и джигетские[172] и абазинские этнические группы—шкарауоцы. Переселились ли они позднее на северные склоны Кавказского хребта или они представляли собой остатки переселившихся баговцев и башильбаевцев — сказать трудно.

1
Государственная
библиотека

Переселение абазин на северные склоны Кавказского хребта и расселение их на Северном Кавказе в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.)

Относительно времени переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта в дореволюционной литературе существовали различные точки зрения. Эти события относили к V—VI вв., к XVI в., к XVII в.[173]

Объяснялось переселение междоусобными разногласиями, провомщением, недостатком удобной земли.[174]

П. Бутков полагает, что до переселения абазины жили в Абхазии и к северо-западу от реки Ингури.[175] Согласно К. Сталю, абазины выселялись из Абхазии, в частности, из района Цебельды.[176] Ф. Торнау считал, что абазины первоначально обитали между реками Ингури и Бзыбью, затем расселялись на северо-запад по направлению к Сочи, а затем стали переселяться в верховья Кодора и Мзымты и далее, на северные склоны Кавказского хребта.[177] Е. Д. Фелицын пишет, что, по преданиям, до переселения на Северный Кавказ предки абазин жили между Сочи и Вордана.[178]

В советской кавказоведческой литературе указывались различные даты переселения абазин на Северный Кавказ. Н. Ф. Яковлев считал, что это произошло в XI в. По мнению А. Н. Генко, тапантовцы переселились в XII—XIII вв., а шкарауовцы около XVII в. Г. П. Сердюченко полагал, что переселение произошло ранее XVI в., С. Басария — ранее XVII в. Некоторые авторы относили переселение абазин к XVII в.[179] Согласно Ц. Н. Бжания, тапантовцы переселились в XIV в., а шкарауовцы только «около 100 лет назад».[180]

Л. И. Лавров датирует переселение абазин XIV—XVI вв.[181] З. В. Анчабадзе считает, что предки тапантовцев не могли переселиться ранее XII в. и позднее XIV в. Ашхарцы же не могли поселиться на Северном Кавказе ранее XVII в.[182] Ш. Д. Инал-Ипа относит переселение абазин, в основном, к XIV—XVII вв.[183]

Причины переселения, по мнению исследователей, были различные. С. Басария, как и дореволюционные авторы, считает, что главной причиной было малоземелье, а также внутренние раздоры.[184] С. Басария выражает также согласие с мнением Н. Ф. Яковлева о том, что абазинские аулы на Северном Кавказе—это, якобы, абазинские пикеты. «Действительно,—добавляет С. Басария,—почему не допустить и это? Ведь абхазские цари и правители, чтобы обезопасить страну от втор-

жения врагов с севера, могли там держать военные поселения; это, стало быть, были своего рода линейные войска».[185]

З. В. Анчабадзе отмечает, что переселение предков абазин на Северный Кавказ началось в период экономического и культурного упадка Абхазии в XIII—XIV вв. Переселение явилось одним из следствий этого упадка. «Экономической предпосылкой такого переселения, — пишет З. А. Анчабадзе, — явилось, надо полагать, усиление роли экстенсивного хозяйства и увеличение удельного веса отгонного скотоводства. Обезлюдение значительного пространства на Северном Кавказе, в результате монгольских опустошительных нашествий, также должно было благоприятствовать этому процессу».[186] Л. И. Лавров полагает, что реальные условия для появления абхазо-абазинской топонимики в Краснодарском крае создались только в средние века; «после разгрома монголами алан в XIII в., когда часть адыгов переселилась на освободившиеся земли на востоке, а другая временно заняла степи между Кубанью и Доном (где в конце XI в. адыгов застал Г. Интериано). На земли, освободившиеся тогда в Адыгее, переселились абазины».[187]

В настоящее время исследователи считают, что переселение абазин на Северный Кавказ произошло из различных мест Абхазии или из Абхазии и прилегающих к ней с северо-запада районов восточного побережья Черного моря. Так, С. Басария писал, что переселение происходило из Абхазии, в частности, возможно, из Цебельды.[188] Л. И. Лавров полагает, что исходной территорией переселившихся абазин было пространство между Туапсе и Бзыбью.[189] З. В. Анчабадзе считает, что предки абазин переселились из северной и нагорной части Центральной Абхазии.[190]

Археологический материал пока предоставляет нам мало данных по интересующим нас вопросам. Погребений с трупосожжением, связываемых нами с абазинским и протоабазинским этносом в Закубанье открыто сравнительно немного. Впрочем, как мы уже говорили, вообще раннесредневековые памятники Закубанья почти совершенно не изучены и их известно очень мало. Датируются погребения с трупосожжением в Закубанье начиная с VII в. С X века число их увеличивается. Кремация в этих местах в X в. зафиксирована и письменными источниками.[191] В верховьях Кубани захоронения с трупосожжением, на левом берегу Амгаты, в каменных гробницах, датируются V—VIII вв.[192] Кремационные погребения в Гоначхирском ущелье относятся, по-видимому, к VIII—IX вв. Показа-

тельно, что этот могильник находится на пути Абхазии (в частности, из Цебельды) на Северный Кавказ через Клухорский перевал.

Таким образом, судя по погребениям с кремацией, проникновение абхазо-абазинских этнических элементов на Северный Кавказ в эпоху средневековья наблюдается с V—IX вв. Начиная с X—XI вв. приток этих элементов (уже собственно абазин, как мы полагаем) увеличивается.

Если в период раннего средневековья наблюдается проникновение лишь отдельных протоабазинских и абазинских элементов на северные склоны Кавказского хребта, то в послемонгольское время, как полагает большинство исследователей-абазиноведов, мы можем говорить о массовом заселении абазинами этих мест. Массовое движение абазин на восток и северо-восток началось тогда же, когда началось движение на восток адыгов — то есть во второй половине XIII и в XIV веке.

Большинство исследователей полагает, что первое письменное свидетельство о пребывании абазин в верховьях Кубани (и вообще на северных склонах Кавказского хребта) относится к концу XIV века. Персидский автор начала XV в. Низам ад-Шами сообщает, что Тимур, пройдя по верхней Кубани к Эльбрусу, очутился в «местности Абаса», то есть во владениях абазин в верховьях Кубани. Об этом же сообщает и персидский автор первой половины XI в. Шереф ад-Дин-Иезди.[193]

Впрочем, есть и другие мнения о местонахождении Абасы. Так, З. В. Ртвеладзе полагает, что местность Абаса-Абаза находится в Мало-Карачаевском районе Карачаево-Черкесии, в верховьях Кумы и Подкумка. «В верховьях Кумы и Подкумка, — пишет Э. В. Ртвеладзе, — имеется ряд мест с названием Абаза. Тут же расположено абазинское селение Красный Восток. На карте Большой и Малой Кабарды 1744 года, составленной геодезистом Степаном Чичаговым, в этом районе отмечены: Нижние Абазы, Средние Абазы, Запущенные Абазы и Верхние Абазы. Археологические исследования, проведенные в этих местах, свидетельствуют о проникновении сюда абазинцев уже в XIV в.».[194]

К сожалению, Э. В. Ртвеладзе не пишет, какие именно археологические памятники верховьев Кумы и Подкумка он связывает с абазинами. Не отрицая возможности проникновения абазин в верховья Кумы и Подкумка уже в XIV в., мы полагаем все же, что в сообщениях вышеуказанных персидских авторов следует видеть Абасу не кумско-подкумскую, а верхне-

кубанскую, так как Тимур продвигался к Эльбрусу, следуя по верхней Кубани.

Свидетельством о пребывании абазин в верховьях Кубани в XIII—XIV вв. может стать и Ново-Кувинский могильник, если в дальнейшем удастся более прочно обосновать его принадлежность абазинам.

В вопросе о причинах переселения абазин можно вполне согласиться с доводами Е. И. Крупнова, Л. И. Лаврова, З. В. Анчабадзе — здесь были и причины социально-экономического порядка (поиски новых земель для расширившегося скотоводства, феодальные междоусобицы и др.), причины политические (например, натиск монголо-татар в более северных районах обитания абазин, позднее—крымско-турецкая экспансия). Возможности для переселения обусловили обезлюдение многих земель на Северном Кавказе — вследствие походов монголо-татар и Тимура.

Абазины переселялись на северные склоны Кавказского хребта постепенно. С рубежа XIII—XIV вв. начали переселяться тапантовцы, позднее, вплоть до XVII в. включительно, переселялись шкарауовцы.[195]

По каким же путям происходило переселение абазин на Северном Кавказе? Какая-то часть абазин шла на восток вместе с черкесами по северным склонам Кавказского хребта. Но основная масса абазин переселялась через перевалы — Белореченский и другие, расположенные дальше, на юго-восток. К. Сталь приводит предание, согласно которому переселение абазин происходило через горные перевалы на пространстве между реками Белой и Тебердой.[196] По-видимому, это предание соответствует действительности — известно, что перевалы Санчарский, Марухский и Клухорский использовались населением как южных, так и северных склонов Кавказского хребта, начиная с глубокой древности.

До недавнего времени, как отмечает Ц. Н. Бжания, использовались следующие скотопрогонные маршруты из Абхазии: Мзымта-Кбаадс (Красная Поляна) — верховья Большой Лабы. Бзыбь—Санчара—Большая Лаба. Бзыбь—Псху—Санчарский перевал — верховья рек Урупа и Загдана. Гума (в Абхазии)—по рекам Гумыста и Келасур—через горный перевал—в верховьях Большого и Малого Зеленчука. Кодор—Лата—Клухор—Марух. Чхалта—гора Марух—рр. Маруха и Аксаут. Левый приток Латы—Клухор—река Теберда. По реке Сакену—к истокам р. Учкулан. Одна из веток по реке Сакен шла на паст-

бища Клухорского перевала. По Кодорскому ущелью проходил главный маршрут. Эта дорога издавна служила путем сообщения Абхазии с Северным Кавказом (так называемая Военно-Сухумская дорога).[197]

Перечисленные пути были известны населению Абхазии и прилегающих к ней с северо-запада районов с древнейших времен. Очевидно, они использовались и при переселении абазин на Северный Кавказ. Так, через Санчарский перевал абазины могли проникнуть на Лабу, а оттуда на Большой Зеленчук, в местность Архыз, где, согласно карачаевским преданиям, столкнулись с абазинами-кизилбековцами карачаевцы. Через Клухорский перевал абазины переселились из Абхазии в долину Теберды — о чем говорят абазинские предания, в частности, приведенные С. Басария.[198] По преданиям абазин Кумско-Лоовского (Красновосточного) аула, переселялись они через Марухский и другие перевалы.[199]

Начиная с XVI в. мы имеем более определенные сведения о северо-кавказских абазинах в письменных источниках. В русской летописи упоминается «Тутартык-князь, Езболуев княжий сын», который прибыл в составе «черкасского» посольства в Москву в августе 1555 года.[200] По предложению Е. Н. Кушевой, этот же князь, «Мурза Дударуко», назван в Родословной кабардинских князей и мурз, составленной в XVII в. (в разделе «Род абазинских мурз»).[201] Как справедливо полагает Е. Н. Кушева, Тутарык Езболуев, он же мурза Дударуко, очевидно, был родоначальник феодальной абазинской фамилии Дударуковых, а его брат — Алклыч Езболуков — родоначальник Клычевых.[202]

В русском документе 1570 года сказано, что кабардинский князь Темрюк приходил с детьми помогать баазытцким черкасам в борьбе против крымского царевича Адиль-Гирея.[203] Черкасы баазытцкие, по мнению Е. Н. Кушевой, — абазины.[204]

У Эвлии имеется рассказ о том, что в 70-х годах XVII в. в земле дударуковцев находился турецкий отряд. Как пишет Л. И. Лавров, здесь речь идет о северокавказских абазинах-дударуковцах.[205]

В родословной кабардинских князей и мурз XVII века отмечено, что Кайтука, внук Темрюка, «утонул на Кубани реке, как в добычу ездил под абазинцев».[206] По мнению Л. И. Лаврова, гибель Кайтуки могла произойти в конце XVI в.[207] Произошло это, очевидно, в верховьях Кубани, так как речь идет о районе,

близком к Кабарде, следовательно, имеется в виду не нижняя и средняя, а верхняя Кубань.

Источники XVII в. дают несколько более конкретные сведения о северо-кавказских абазинах. Е. Н. Кушева приводит ряд русских документов, проливающих свет на этот вопрос. В документах 1635 и 1642 гг. говорится, что «Абазы» обитали на левом берегу верхней Кубани, по соседству с Малым Ногаем и бесленеевцами («Малый Ногай за Кубаном кочевали вверх по Кубану реке меж Бесленей и Абазы»).[208] В документе 1634 года упоминается представитель феодальной абазинской фамилии Лоовых—мурза Отлепшука Ловов, который приезжал в Терки шертвовать царю Михаилу Федоровичу за себя и за других абазинских людей. В несколько более позднем документе, 1643 года, рассказывается, что для принесения шерти к «Пяти горам» приехали мурзы, в том числе и абазинские—Хачака, Янтемир, Саралп (Сарлап) Левов, Казый Доруков, Янсох Бийбердиев, Алкас Бергишев, Джаным Бабуков.[209] Как справедливо замечает Е. Н. Кушева, в этом документе перечислены представители четырех из известных позднее шести «племен» абазин-тапантовцев—Джантемировы, Лоовы, Дударуковы, Бибердовы. Джаным Бабуков, очевидно, представлял абазин-бабуковцев, не входивших в число основных тапантовских племен. Алкас Бегишев может быть из Багошевых шкарауовского «племени» Баг.[210]

Л. И. Лавров в своей работе «Абазины» отмечал, что Эвлия «определенно указывает на пребывание абазинских племен мысылбаевцев, дударуковцев и бибердовцев в бассейне Кубани. Таким образом, к середине XVII века на Северном Кавказе уже обитали не только тапантовцы, но и шкарауовские племена, все или некоторые».[211]

Соглашаясь в общем с этим выводом Л. И. Лаврова, следует заметить, что Беслеб (башильбаев, мысыльбаев) Эвлия упоминает не в числе северокавказских, а в числе горных восточнопричерноморских родов — вместе с Псху, Апчипсоу и другими — об этом мы говорили выше. Что касается дударуковцев и бибердовцев, то, действительно, согласно рассказу Эвлии, они обитали в это время на Северном Кавказе.

«Стоянка Дудургай» («Дудуркай»), где кроме дударуковцев, жили и кабардинцы, находилась, по словам Эвлии, в 5 часах езды к востоку от р. Дженджек (Малый Зеленчук).[212] Следовательно, дударуковцы размещались между Малым Зеленчуком и Кубанью. Край племени Бебирдкач-Бербере (бибердовцы) располагался на берегах Дженджека (Малого Зеленчу-

ка) и Кубани.[213] В другом месте Эвлия указывает, что крепость Бургустан входит в край Бебирдкач-Бербере.[214] Бургустанская крепость—это Рим-Горское городище[215], в 17 км западнее Кисловодска. Следовательно, абазины-бибердовцы жили в то время и в Пятигорье, в частности, на территории нынешнего Мало-Карачаевского района Карачаево-Черкесии (см карту № 3).

Таким образом, в XVII в. на Северном Кавказе, в частности, в верховьях Кубани и Зеленчуков, а также в Пятигорье, в том числе и в районе Кисловодска жили абазинцы-тапантовцы: дударуковцы (русский документ 1643 г., Эвлия), бибердовцы (русский документ 1643, Эвлия), лоовцы (русский документ 1643 и 1634 гг.), джантемировцы (русский документ 1643 г.). Клычевцы, возможно, упомянуты в русском документе XVI в. в лице князя Алклыча Езбузлукова. Из шкарауовцев есть упоминание о баговцах (русский документ 1643 г.). Карачаевские предания говорят о кизилбековцах. В документе 1643 г. говорится о бабуковцах, которые принадлежали к числу абазинских, очевидно, тапантовских «колен», но в группу тапантовских подразделений не входили.[216]

По-видимому, переселение шкарауовцев на Северный Кавказ продолжалось и во второй половине XVII в. В источниках XVIII в. в числе абазинских «племен», населявших северные склоны Кавказского хребта, упоминаются все шесть шкарауовских подразделений — там, кизипбек, баг, чегрей, баракай и мысылбай-башилбай.[217]

Выводы

1. Абазины и абхазы—близкородственные народы. Предки у них общие—апсилы, абазги, саниги, мисимиане, отчасти—зихи.

2. Эти племена занимали территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря, к северо-западу от Абхазии, примерно до Туапсе.

3. К концу I тыс. н. э. у всех этих этнических групп уже существовали феодальные отношения, следовательно, были условия для формирования народности. В VIII в. н. э. сформировалась древняя абхазская народность.

4. В X в. из древней абхазской народности выделилась абазинская народность, формирование которой происходило, очевидно, вокруг племени абазгов в Абазгии Константина Багрянородского, простиравшейся от Бзыби до Нечепсухо. Позд-

нее абазины из Абазгии расселились на север и на юг, очевидно, до Кодора.

5. Судя по распространению кремационных погребений, которые мы связываем с абазинами и их предками, эти этнические группы в V—XV вв. жили по восточному побережью Черного моря и северо-западнее Туапсе, среди адыгов, вплоть до станицы Раевской. Согласно письменным источникам XVI—XVII вв. абазины обитали в Абхазии и к северо-западу от нее, вплоть до Туапсе. Отдельные абазинские группы жили среди адыгов вплоть до устья Кубани.

6. На северные склоны Кавказского хребта предки абхазов и абазин проникали еще в III—II тысячелетии до н. э.—об этом говорят дольмены Закубанья, а также дольменовидные гробницы, известные в Карачаево-Черкесии. Судя по кремационным погребениям, предки абазин, а затем и сами абазины в VII—XII вв. проникали в Закубанье. Особенно интенсивным их проникновение было в X—XII вв. В V—IX вв. отдельные протоабазинские группы по Клухорскому перевалу проходили в Карачаево-Черкесию.

7. В XIII—XIV вв. началось массовое переселение абазин на Северный Кавказ. Продолжалось оно до XVII включительно. Первыми переселялись тапантовцы, затем — шкарауовцы. К середине XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков, а также в Пятигорье жили пять подразделений абазин-тапантовцев — лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы и джантемировцы. Из шкарауовских подразделений здесь обитали баговцы и кизылбековцы. По-видимому, переселение шкарауовцев на Северный Кавказ продолжалось и во второй половине XVII в. В источниках XVIII в. на Северном Кавказе упоминаются все шесть шкарауовских подразделений — там, кизилбек, баг, чегрей и мысылбай-башилбай.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— археологические открытия (сборник)
ВДИ	— вестник древней истории
ВИ	— вопросы истории
ЖМНП	— журнал министерства народного просвещения
ЗКОРГО	— записки Кавказского отдела Русского географического общества
ЗООИД	— записки Одесского общества истории и древностей
ИА	— институт археологии АН СССР
ИАК	— известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— известия государственной Академии истории материальной культуры
ИКОРГО	— известия Кавказского отдела Русского географического общества
ИЭ	— институт энтографии АН СССР
КСИА	— краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры АН СССР
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— отчёт археологической комиссии
ПСРЛ	— полное собрание русских летописей
СА	— советская археология
СМОМПК	— сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССИК	— сборник статей по истории Кабарды
СЭ	— советская этнография
ТАбхНИИЯЛИ	— труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ТКЧНИИ	— труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
УЗАНИИ	— ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института
УЗКНИИ	— ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ТАБЛИЦЫ

1

1, 2 — глиняные урны. Цебельдинские могильники III—VI вв. до н. э. По М. М. Трапщу; 3—6 — глиняные урны. 3 — окрестности Туапсе. XIII—XIV вв.; 4 — окрестности Сочи. По В. И. Сизову; 5 — Геленджик. XI—XV вв. По В. И. Сизову; 6 — Колосовка на р. Фарс. X—XI вв. По П. А. Дитлеру.

2

1 — глиняная урна. Цебельдинские могильники III—VI вв. По М. М. Трапшу. 2, 3 — глиняные урны. 2 — Убинский могильник у Шапсугинского водохранилища. X—XV вв. По А. Л. Монгайту; 3 — Колосовка на р. Фарс. X—XI вв. По П. А. Дитлеру.

3

1—5 — вещи из Цебельдинских могильников III—VI вв. 1—3, 5 — по М. М. Трапшу; 4 — по М. М. Трапшу и Ю. Н. Воронову. 1 — железный умбон от щита; 2 — железный наконечник копья; 3 — бронзовая фибула; 4 — железные ножницы; 5 — железная вилка для вынимания мяса из котла; 6 — бронзовый умбон для щита. Окрестности Сочи. Сочинский музей. Раннее средневековье; 7 — железный наконечник копья. Борисовский могильник у Геленджика. VIII—IX вв. По В. В. Саханеву; 8 — серебряная фибула. Окрестности Сочи. Сочинский музей. V в.; 9 — железные ножницы. Могильник у бугра у Новороссийска. Новороссийский музей. X — XIII вв.; 10 — железная вилка для вынимания мяса из котла. Даховская. Майкопский музей. X—XIII вв.

КАРТЫ.

Карта № 1.

Карта № 2. Пункты, в которых обнаружены погребенья с трупосожжением. Восточное Причерноморье: 1. Туапсе, на бывшей даче Киселева. Курганный могильник с урнами, очевидно, XIII — XIV вв.; 2. Сопино у Новомихайловского, V—VI вв.; 3 — Архипово-Осиповка. Погребения в урнах, XIII—X вв.; 4. Прасковеевка. Три кувшина с пеплом; 5 — Река Жанэ. Трупосожжения в урнах. Раскопаны два кургана с кремационными захоронениями VIII—IX вв.; 6 — Геленджик. Урна и красноглиняная

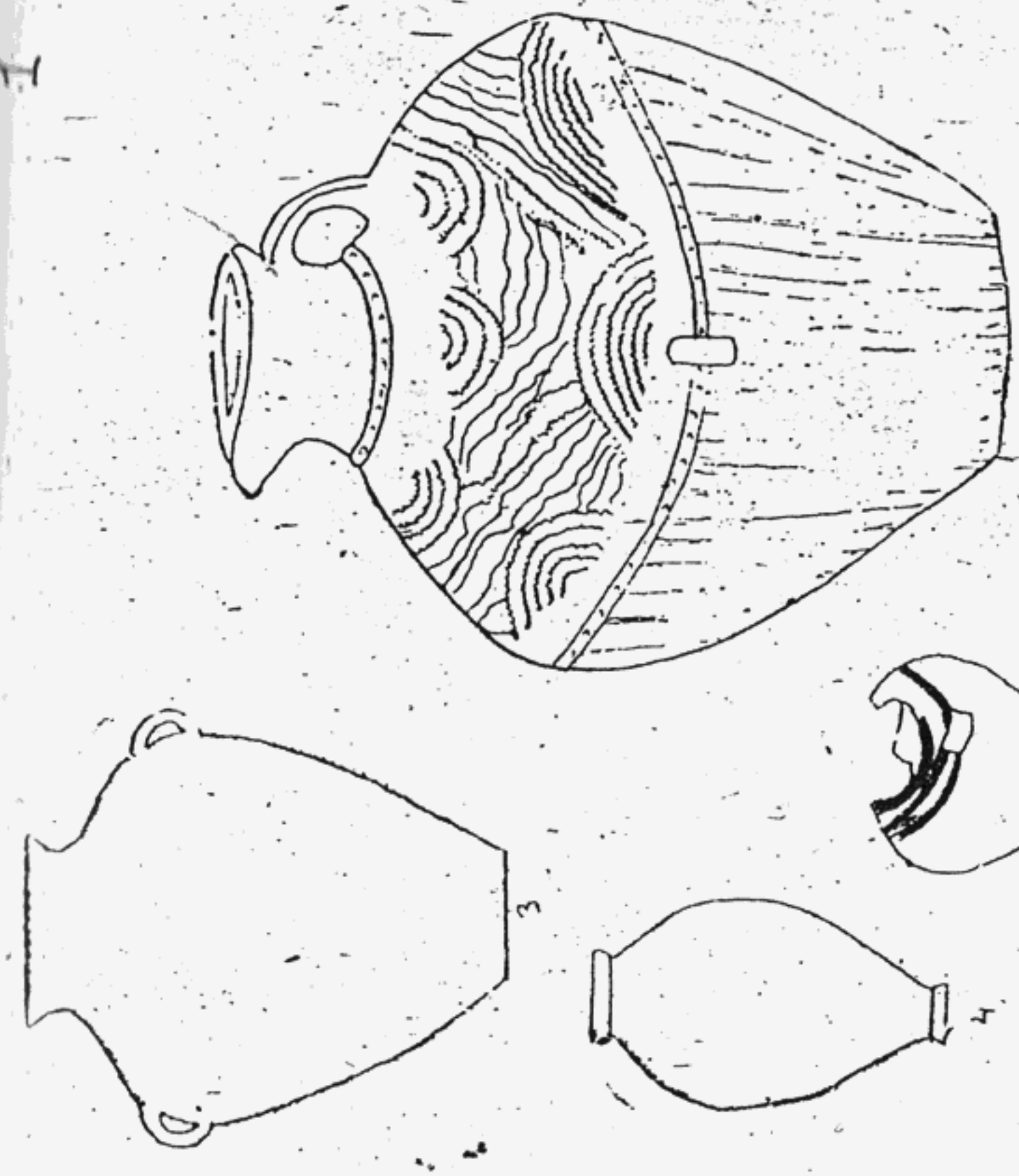
кружка с сожженным прахом; 7 — Геленджик. Могильник в бухте. Курганы. Трупосожжения в урнах. XI—XV вв.; 8. Геленджик. Могильник на северо-восточной окраине. Два кремационных захоронения в урнах, VI—VII и X—XI вв.; 9 — Борисовский бескурганный могильник. Два трупосожжения в каменных ящиках, V—VI вв.; то же в каменных ящиках, одно в грунтовой могиле, VII в. 45 каменных гробниц и 10 грунтовых ям с остатками трупосожжения, VIII—IX вв. Борисовский курганный могильник. Урны с прахом и пережженные вещи XIII—XIV вв.; 10 — Мыс Дооб. В северной части горы Дооб, рядом с селищем XI—XV вв. — курганы с остатками кремации и трупоположения, одновременные селищу; 11 — Кабардинка. Четыре пифоса с каменными крышками, в пифосах — сожженный прах; 12—Пенайский мыс. В 16 км к югу от Новороссийска. Курганный могильник с урнами; 13 — Могильники в местности Мысхако. Встречаются погребения со следами кремации в урнах (например, в бывшей усадьбе Пенчула); 14 — Новороссийск. Кремационные погребения в урнах X—XII вв. В одной из урн — серо-глиняная миска, очевидно, первоначально покрывавшая урну; 15 — Курганный могильник в окрестностях Новороссийска, в Грушовой балке. Преобладает обряд трупосожжения. Прах в урнах, иногда без урн; 16 — Район города Новороссийска, в зоне строительства водохранилища на реке Дюрсо. Трупосожжения VII — VIII вв.; 17 — На шестом километре железной дороги Новороссийск—Тоннельная—трехгубый оранжевый кувшин, вокруг него сабля и другие предметы, которые обычно сопровождают урны с пережженным прахом; 18 — Раевская. Могильник XII—XV вв. у бывшего хутора Кобзы. Есть курганы с остатками трупосожжения в урнах; 19 — В 7 км от Раевской и 15 км от Анапы — курганный могильник VIII—XV вв. Есть подкурганные захоронения в урнах; 20 — Анапа. Курганный могильник XI—XIII вв. в местности «Макитра». Есть следы кремации.

Закубанье. 1. Убинский могильник X—XV вв. Урновые и безурновые погребения с кремацией под курганными насыпями. Вокруг урн — испорченное оружие; 2 — Тахтамукаевский могильник. Одно погребение с кремацией VIII—IX вв. без урны и без курганной насыпи; 3 — Колосовка. Курганные и бескурганные погребения IX—XI вв. Трупосожжения в урнах и без них; 4 — Баракаевский могильник VII—IX вв. под Губскими скальными навесами. Урновые и безурновые погребения. Есть частичное трупосожжение. Кремация производилась в специ-

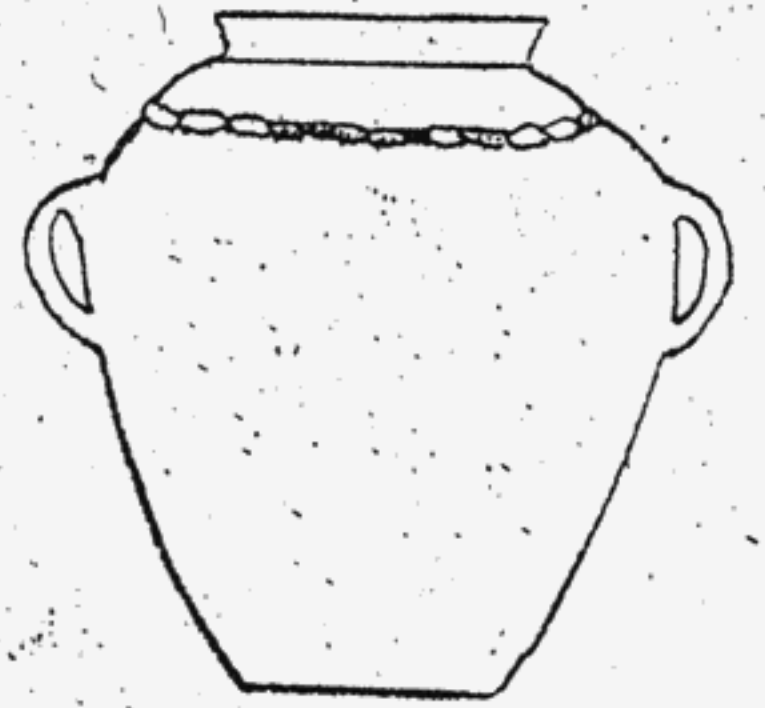
альном очаге; 5 — Казазово. Гатлукаевский могильник. Есть погребения с трупосожжением X — XI вв.; 7 — Ленинохабль, Погребения с кремацией X—XI вв.; 7 — Кужорская. Кремационные захоронения XI — XII вв. Захоронения в пунктах 5—7, в основном, урновые.

Верховья Кубани (Карачаево-Черкесия). 1 — Река Амгата. Левый берег. В 7 км южнее сел. Нижняя Теберда. Шесть могил, стенки которых сложены из тесаных песчаниковых брусков. Очевидно, здесь произведена кремация. Вещи, найденные в могилах, датируются V—VIII вв.; 2 — Ущелье Гоначхира, правого притока реки Теберды. Пепел умерших — в деревянных гробиках и ящиках, обернутых в березовую кору. Предположительная датировка — VIII—IX вв.

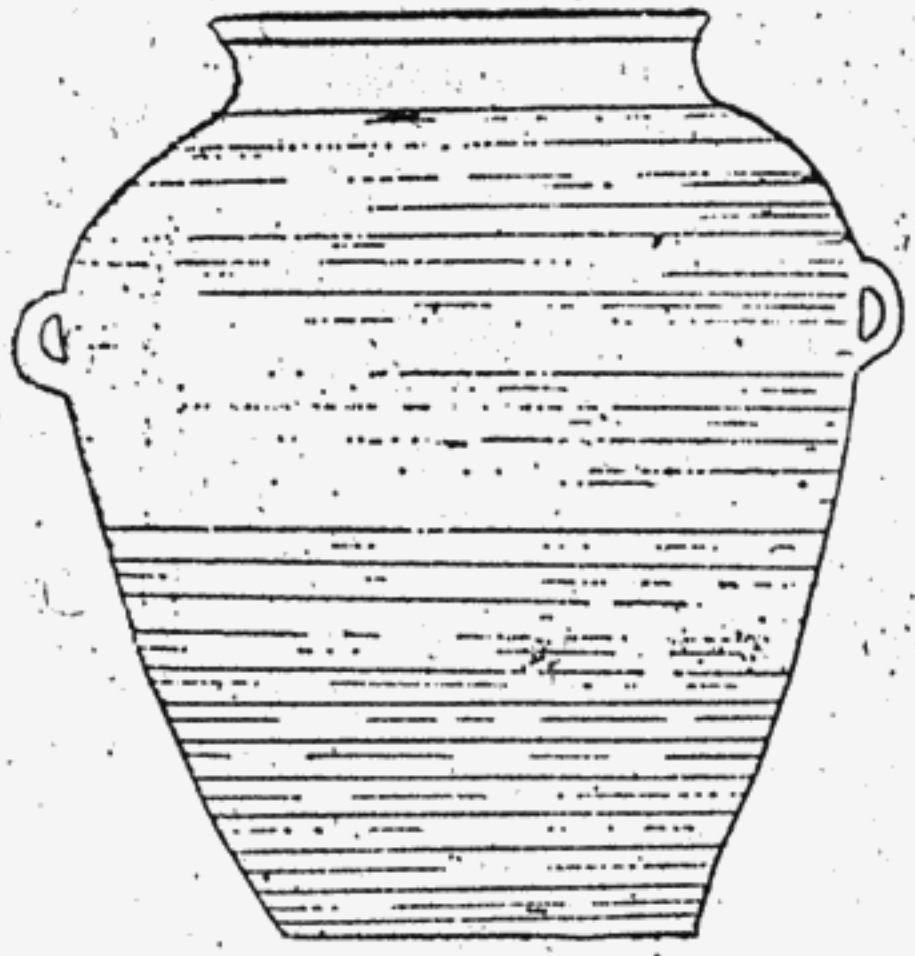
В настоящее время, по данным Х. Х. Биджиева, в долине р. Теберды выявлены еще шесть раннесредневековых кремационных погребений.


6
5
3
4
1
2

1



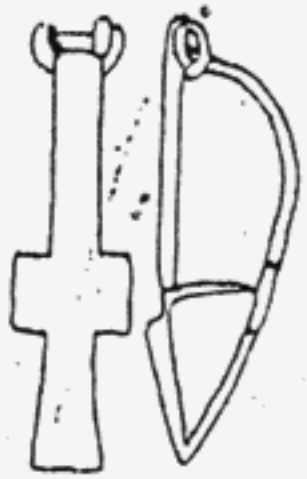
2



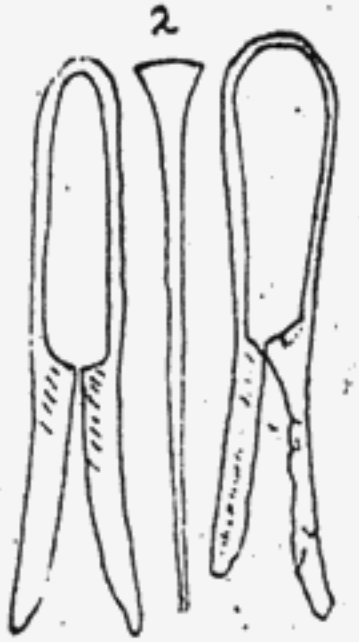
3

1

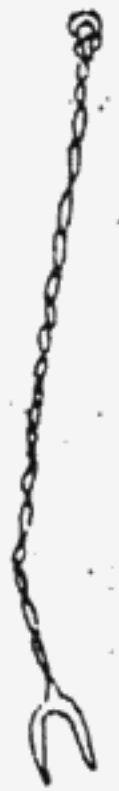
2



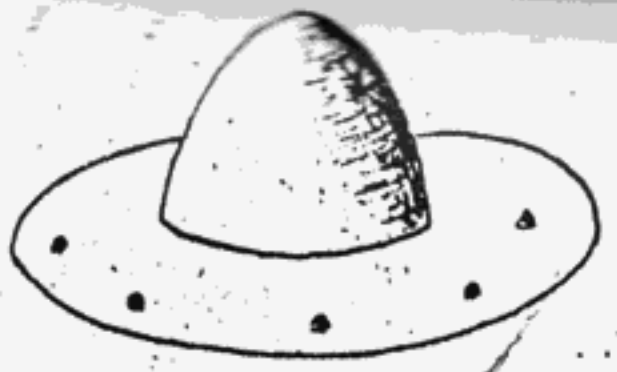
3



4

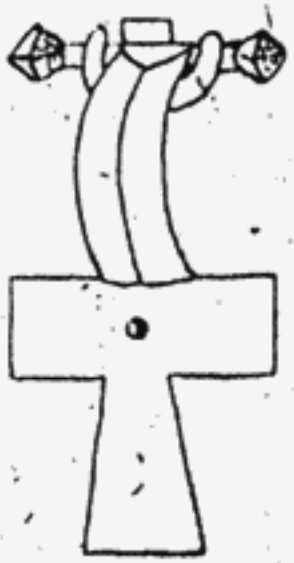


5



6

7



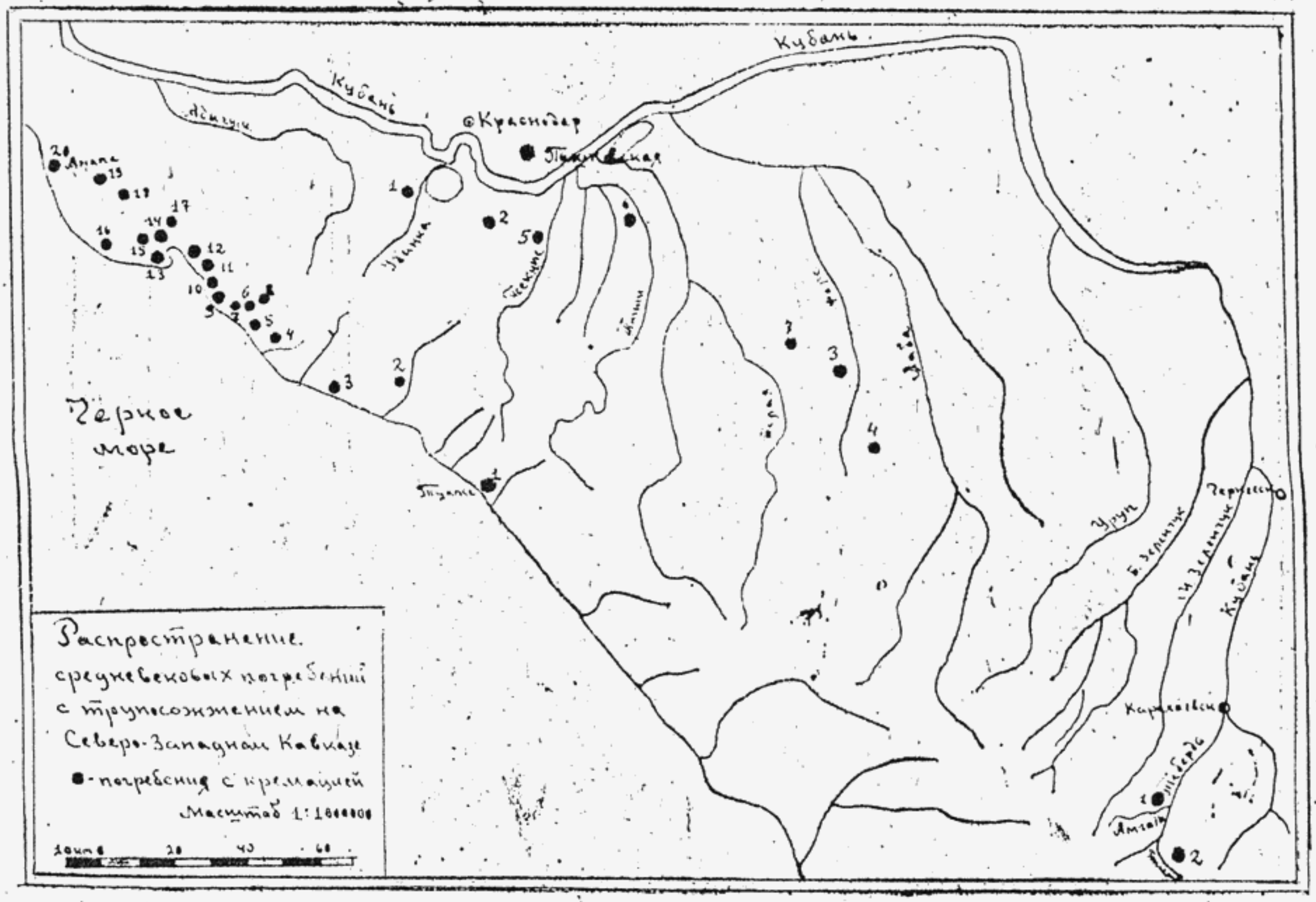
8

9

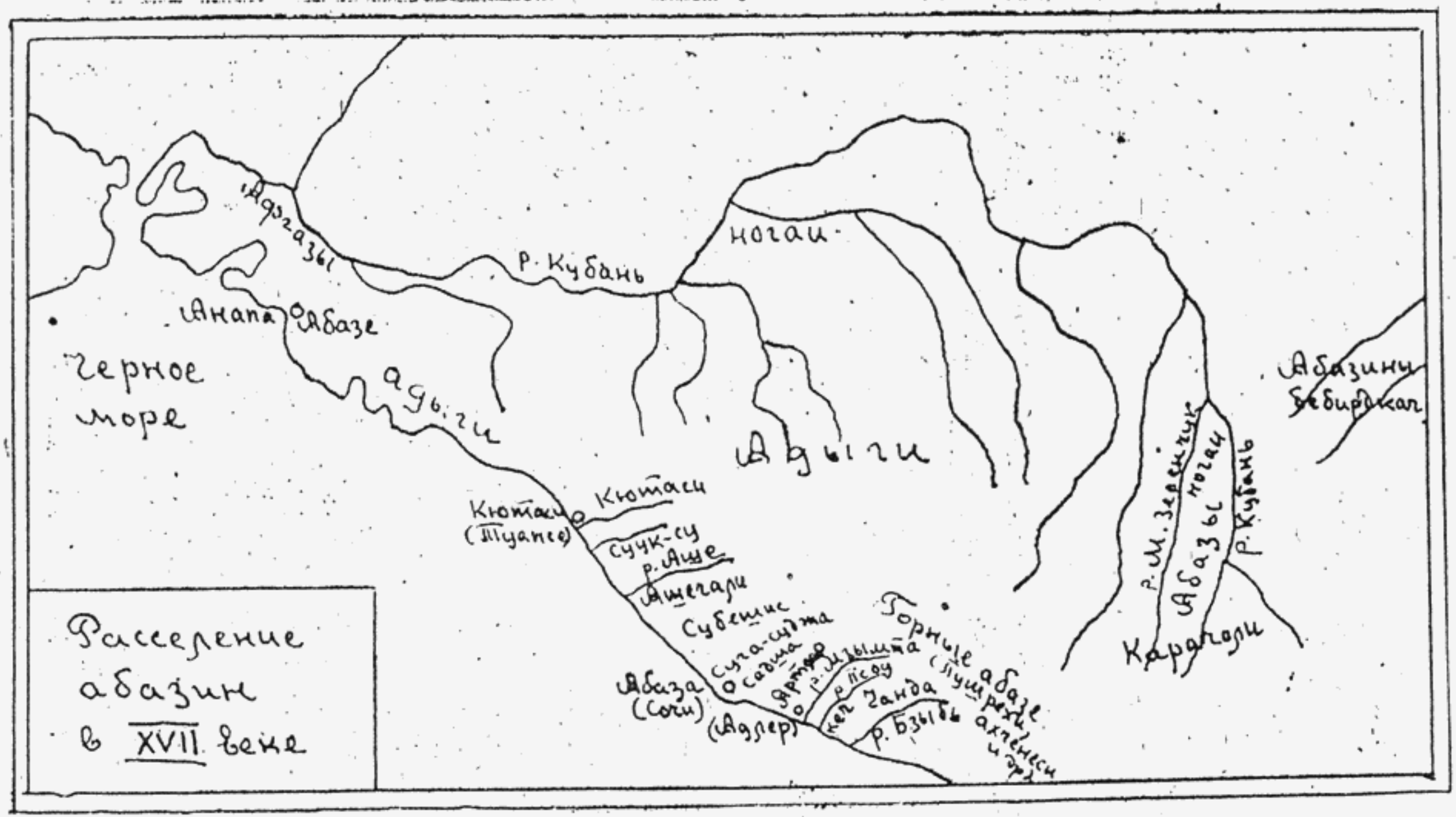
10

Никопсия
Туапсе
Шахе
Псоу
Казах-касоги
Черное море
Пицунда (Сотириуполь)
Бзыбь
Кодор
Галидза
Абасгия Константина Багрянородного X век

КАРТА № 1


Кубань
Кубань
Адигуш
Краснодар
Пашковская
Анапа
Удинка
Чекуше
Ашши
Ясла
Чорнее
Чуруп
Б. Зеленчук
М. Зеленчук
Кубань
Карачаевск
Тебердь
Амгата
Черное море
Распространение средневековых погребений с трупосожжением на Северо-Западном Кавказе
● - погребения с кремацией
Масштаб 1:1000000
10 км 0 20 40 60

Карта № 2



Расселение абазин в XVII веке

[12] Р. А. Даутова. Мавзолей Борга-Каш и «брагунский вопрос». — Тезисы докладов III «Крупновских чтений», Грозный, 1973, с. 21—22.

[13] Т. С. Магомадова. Кабардинцы, брагунцы, кумыки, ногайцы — плоскостные соседи вайнахов в XVI — первой пол. XVII вв. — Рукопись. Архив Чечено-Ингушского НИИ, дело 118, 1973, с. 17—19.

[14] В. Виноградов, Т. Магомадова. Брагунцы. Кто они и откуда? Газ. «Красное знамя» (г. Гудермес), 17, 24 августа 1974 г.

[15] Например Б. Кочекаев пишет о том, что «предки ногайцев с глубокой древности жили на обширной территории Западного Казахстана, Юго-Западной Сибири и Узбекистана», но избегает гипотез о северо кавказском этапе в истории протоногайцев (см. Б. Кочекаев. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. кн. издательства, 1973, с. 20).

[16] Е. А. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., «Наука», 1971, с. 199.

[17] Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., «Наука», 1973, с. 76.

[18] Народы Кавказа, т. 1. М., «Наука», 1960, с. 77, 391. В этом труде есть, пожалуй, одно историческое несоответствие: улус Ногая в составе Золотой Орды неправомерно именовать Ногайской ордой, которая, как самостоятельное государственное образование, сложилась позднее и на другой территории (см. Б. Кочекаев, Указ. соч., с 20).

[19] См., например: Л. Доброумов. Легенды и сказания Кавказских Минеральных Вод. Пятигорск, 1928.

[20] Э. В. Ртвеладзе. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII—XIV вв. и ее связей со Средней Азией. Автореф. канд. дисс., Л., 1975.

[21] А. И. Шавхелишвили. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963, с. 39.

[22] Ф. С. Гребенец. Борга-Каш.— Газ. «Терские ведомости», Владикавказ, 1913, № 224, 233, 234.

[23] Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Орджоникидзе, 1928, с. 53.

[24] Сб. «Чудесные родники», Грозный, Чечено-Ингушское кн. издательство, 1959, с. 237.

[25] Библиографию см. в указанных монографиях Е. П. Алексеевой и Б. Кочекаева.

[26] Народы Кавказа, с. 77.

[27] Э. В. Ртвеладзе. О походе Тимура на Северный Кавказ. Археолого-этнографический сборник, 4, Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976, с. 103; Х. А. Хизриев. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ. Сб. «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», т. XI, Грозный, Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1977, с. 125; он же. Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополья против Тимура. Там же, с. 142. Указывая эти новейшие работы, следует отметить, что далеко не все детали маршрутов и обстоятельств действий Тимура и обороняющихся от него сил достаточно убедительно трактованы авторами. Более всего в этом плане вызывают возражения статьи Х. А. Хизриева, многие выводы которых носят умозрительный характер.

[28] Ничего не предрешая, хотелось бы обратить внимание на имя некоего «правителя племени ас» Буракана, чьи владения были жестоко разорены Тимуром (см.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов и сведений, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2, М.-Л., с. 122, 184). Тут знаменательно не только само его звучание. В. М. Батчаев поставил недавно вопрос о том, что «вторая половина XIII и весь XIV век — это время алано-половецкого этнокультурного симбиоза и совместного противостояния игу Золотой Орды» (см. В. М. Батчаев. К этнической истории балкарцев и карачаевцев. — Тезисы докладов VIII «Крупновских чтений», Нальчик, 1978, с. 24—26). Эта мысль может оказаться перспективной не только в плане уяснения роли алано-кипчакских контактов в этногенезе балкарцев и карачаевцев, но и быть полезной в оценке характера кипчакского слоя в ранней этнической истории ногайцев.

[29] В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова. Первая русская карта Северного Кавказа. — Вопросы истории, 1976, № 6, с. 199—203.

[30] Сборник Русского Исторического общества, т. 41, с. 167; Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 218, прим. 336.

[31] Продолжение древней российской вивлиофики, ч. VIII, СПб., 1973. с. 128; Л. И. Лавров. Кавказская Тюмень. Сб. «Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 169.

[32] Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—VII вв. М., «Наука», 1963.

[33] С. Гаджиева. Кумыки, М., «Наука», 1961; Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., «Наука», 1978, с. 37—38.

[34] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, М., «Наука», 1957, с. 59.

[35] С. А. Белокуров. Акты времени Лжедмитрия I. Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1918, с. 91, 102.

[36] Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л., 1940, с. 132—135; Н. Г. Волкова. Этнонимы..., с. 84.

[37] Кабардино-русские отношения, с. 97.

[38] Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII века (Материалы и документы). Махачкала, Дагестанское кн. издательство, 1958, с. 192.

[39] Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., «Наука», 1974; В. Б. Виноградов. К трактовке социально-политического содержания и религиозной оболочки войн и народных движений на Северном Кавказе в эпоху средневековья (VIII—XVIII вв.). — Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 1, Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978, с. 141—143.

К статье Е. П. Алексеевой

[1] Народы Кавказа, т. 1. Издательство АН СССР, М., 1960, с. 28. В настоящее время абазины проживают по верховьям рек Большой и Малый Зеленчук, Кубани и Кумы. Абазинскими селениями являются 15 населенных пунктов Карачаево-Черкесской автономной области: Красновосточный,

Койдан, Кубина, Карапаго, Псыж, Инжиччукун, Эльбурган, Тапанта, Малоабазинский, Новокувинский, Старокувинский, Апсуа, Псаучьедахе, Абазакт. Абазины селений Псаучьедахе и Абазакт приняли язык черкесов. Абазины также проживают в восточной половине Адыгейской автономной области Краснодарского края и в ряде ногайских и кабардинских селений. В Большой Кабарде абазины, жившие на Куме, оказались в ходе Кавказской войны (И. Х. Калмыков, Черкесы. Историко-этнографический очерк. Карачаево-Черкесское книжное издательство. Черкесск, 1974, с. 26).

[2] Е. И. Алексеева. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии. ТКЧНИИ, вып. VI, серия историческая. Ставропольское книжное издательство. Ставрополь, 1970, с. 299—335; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. «Наука», М., 1971, с. 186—198.

[3] Данную работу прорецензировали в рукописи Ш. Д. Инал-Ипа, Г. К. Шамба и Я. А. Федоров. Приношу глубокую благодарность всем моим рецензентам.

[4] Г. П. Сердюченко. Язык абазин. Издательство Академии педагогических наук РСФСР. Известия Академии Педагогических наук СССР, т. 67, М., 1955, с. 17.

[5] ПСРЛ, т. I. Л., 1927, с., 341, 446; т. III. СПб., 1841. с. 39; т. VII, СПб., 1856, с. 60, 129, 210; т. VIII, СПб., 1859, с. 65; Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей. Издательство АН СССР, СЭ, 1946, № 4, с. 6; Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 8.

[6] Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 8.

[7] Г. Г. Сулава. Что понимали в Древней Руси под названием «обезъ». История СССР. Издательство АН СССР, 1957, № 2, с. 158; Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Историко-этнографические очерки, «Алашара», Сухуми, 1965, с. 137—138; Л. И. Лавров полагал, что русские летописи под обезами имели в виду именно абазин (Л. И. Лавров. «Обезы...», с. 169). Однако в настоящее время более общепринятой является точка зрения, изложенная нами выше. Библиографию по этому вопросу см. в указанных работах Л. И. Лаврова, Г. Г. Сулавы и Ш. Д. Инал-Ипа. Из новейших исследований см.: Г. В. Цулая. Обезы по русским источникам. СЭ. «Наука», 1975, № 2, с. 99—105. в частности, с. 99; Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. «Наука», М., 1973; с. 51—52. Так, Н. Г. Волкова отмечает, что термин «обез» известен в русских летописях XII—XV вв., где он обозначает как северокавказских абазин, так и в целом абхазов и западных грузин. (Н. Г. Волкова. Этнонимы..., с. 51).

[8] Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии. Составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч., 1634. Пер. с итальянского Н. Пименова. ЗООИД, т. XXIV, 1902, с. 105; Жан де Люк (Иоанн Лукский). Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена, 1625. Пер. с франц. П. Юрченко. ЗООИД, т. XI, 1879, с. 492. N. Witsen. Noord en Oost Gartarie offe Bondig ontuerp von eenige djer Landen en Volken. Amsterdam, 1705, с. 554,

[9] А. Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии о Ламберти, миссионера конгрегации для распространения христианской веры. Пер. с французского П. Юрченко. ЗООИД, т. X, 1877, с. 211.

[10] Эвлия Челеби. Путешествия. Отрывки из II и VII книг. Русский перевод (машинопись). Рукописный фонд ИИЯЛ ДагФАН. Ф. Исторический отдел, № 421, д. 1157, кн. II, с. 102—109, кн. VII, с. 746 и другие. В даль-

нейшем ссылки на этот перевод: Эвлия, рук., кн. II или кн. VII. См. также Эвлия Челеби. Книга путешествия. «Наука», вып. 2, М., 1979, с. 218.

[11] К. Главани. Описание Черкесии 1724 г. Перевод и примеч. Е. Г. Вайденбаума. СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1893, с. 154.

[12] М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1752 гг. В изложении Е. Д. Фелицына. Краснодар, 1927, с. 13, 19, 21; И. А. Гильденштедт. Путешествие. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия господина академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71 и 73 годах. Пер. К. Германа. СПб., 1809, с. 142—144; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. В четырех частях, т. II. О народах татарского племени. Пер. с нем. СПб., 1796, с. 57. S. Potocky. Voyage dans les stêps d'Astrakhan et bu Cakcase, t. 1, Paris, 1829, с. 147, 227, 253; P. S. Pallas. Bemer Kungen auf einer Reise in die südlichen Statthal—terschafte des Russischen Reichs t. 1, Leipzig, 1803, с. 328; C. Rommel. Die Völker des Kankasur. Weimar, 1808, с. 35—36, с. 57, Мина Медичи, У. М. Неликсек Бекова. Pontica. Franscaucasica Ethnica.

По данным Миная Медичи от 1815—1819 гг. СЭ. Издательство АН СССР, 1950, № 2; с. 170—172; П. Бутков. О имени «Козак». Вестник Европы. 1822, № 23, с. 188; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским, ч. 1. М., 1823, с. 323—326, 331 и др.; Koch K. Reise durcb Russiand nach dem Kaukasische Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart — Gübingen, band 1, 1842, с. 321—322.

М. Венедиктов. Взгляд на кавказских горцев. Сын Отечества, СПб., 1837, ч. 188, с. 35; Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, т. I, пер. В. А. Данкевич-Пущиной. Труды института Абхазской культуры, вып. VI, Издательство института абхазской культуры АН СССР, Сухуми, 1937, с. 35—36; Л. Люлье. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами. В книге: Л. Люлье. Черкесия. Издательство общества изучения Адыгейской области, Краснодар, 1927, с. 11, 13, 15 и др.; А. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858, с. 9—10, 14; А.-Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. Военный сборник, т. IX, СПб., 1860, с. 304, 309; Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. Русский вестник, 1864, № 10, с. 413, 425; Н. Каменев. Бассейн Псекупса. Кубанские войсковые ведомости, 1867, № 5, с. 19; по-видимому, так считал и Н. Дубровин. О его взглядах см. у Г. П. Сердюченко: Язык абазин, с. 13; Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу, Тифлис, 1888, с. 84; Е. Д. Фелицын. Примечание к работе Пейсонеля — Исследование о торговле. Издательство общества изучения Адыгейской области. Краснодар, 1927, с. 34 и др. работы этого автора; К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК 40. Тифлис, 1909, с. 1; А. М. Дирр. Современные названия адыгских племен. СМОМПК 40, Тифлис, 1909, с. 6; Г. Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп, ИКОРГО, 1905, т. XVIII, № 2, с. 94.

[13] См. указанные страницы в работах Пейсонеля, Гильденштедта, Палласа, Клапрота, Л. Люлье, Торнау, Дюбуа де Монпере. Сводка по этому вопросу имеется у Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 11—14. Некоторые ав-

торы — П. Услар, И. Шаховской считали, что различие между терминами «абаза»; «абадза» и проч. имеется, но это различие социальное (там же, с. 14—16). Одним из первых авторов, более четко различавших термины «абхазы» и «абазины», был Е. Д. Фелицын. Признавая абхазское происхождение абазин, он «абазинцами» называл топантовцев и шкарауовцев, живших в Кубанской области (Е. Д. Фелицын. Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы. Кубанские областные ведомости, 1884, № 34. См. также: Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 17).

[14] Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 17.

[15] J. Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle — Berlin, t. I, 1812, c. 447, 450.

Лопатинский. Заметки о народе адыге вообще и о кабардинцах в частности. СМОМПК, вып. 12, Тифлис, 1891, с. 3—4.

[16] П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. Ч. III., СПб., 1833, с. 93, 110; Е. Семенов. Примечание к рассказу И. Барбаро. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Пер. с итальянского В. Семенова. Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, СПб., 1836, с. 121; К. Сталь. Этнографический очерк Черкесского народа. Кавказский сборник, т. XXI, Тифлис, 1900, с. 75; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. IV, Paris — Lyon., 1887, c. 9, 10, 12; S. Sommier. Note volant; sui Karaciai ed alcune Misure di Abasa, Kabardini e Abasékh di Stephen Sommier. Archivio per l'Atropologia e l'etnologia. Firenze, 1901, vol. XXXI, c. 444.

J. Mordan. Mission scientifique au Caucase. Etudes Archéologiques et Historiques, t. II. Recherches sur les origines des peuples du Caucase. Paris, 1889, c. 227.

[17] Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Кабардино-Балкарское книжное издательство, Нальчик, 1958, с. 112.

[18] Ф. Шишкевич. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. Описание живущих в них народов и достопамятностей. СПб., 1810, с. 6, примечание.

[19] Мина Медичи. История Понта..., с. 174.

[20] К. Патканов. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, ч. 226, ч. 29.

[21] А. Грен. Краткий очерк истории Кавказского перешейка. Университетские известия, Киев, 1895, № 7, с. 38.

[22] Н. Каменев. Бассейн Псекупса. Куб. войск. вед., 1867, № 5, с. 19. Кн. Хаджимуков. Народы Западного Кавказа — по неизданным запискам природного бжедуха князя Хаджимукова. Кавказский сборник, то XXX. Тифлис, 1910, с. 34—35.

[23] Л. Лопатинский. Заметки..., с. 3.

[24] M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte. Bd. 6, Berlin, 1926, c. 253—254.

[25] A. Namitok. Origines des Circassiens. Paris, 1939, c. 106—107, 142—143.

[26] E. Sarkisyanz. Geschichte der Orientlischen Völker Russlands bis 1917. München, 11961, c. 62, 101, 103.

[27] Н. Я. Марр. О происхождении имени «Анапа». Избранные работы, т. V. Гос. социально-экономическое издательство. М.-Л., 1935, с. 272—273; в этой статье, написанной в 1914 году, Н. Я. Марр отмечал, что в древности абхазские элементы были распространены на север гораздо далее, чем в последующее время. Это доказывается данными лингвистики и топонимики. Так, слово «Анапа», согласно Н. Я. Марру, абхазское (а-напэ—рука). Постепенно абхазы оттеснялись не только с севера, но и от моря, в горы.

[32] Н. Я. Марр. Племенной состав Кавказа. (классификация народов Кавказа — рабочий проспект). Пг. 1920, с. 44—45.

[28] Н. Я. Мар. Яфетические языки. Избр. работы, т.т. Издат. ГАИМК. М.—Л., 1933, 304.

[30] Н. Ф. Яковлев. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. Записки Северокавказского горского НИИ, т.т. Ростов-на-Дону, с. 128.

[31] Н. Ф. Яковлев. языки и народы Кавказа. Заккнига, Тифлис, 1930, с. 13.

[32] А. Н. Генко. Абазинский язык. Издательство АН СССР, М., 1955, с. 7—8.

[33] Там же, с. 9.

[34] Там же.

[35] Симон Басария. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе. (К материалам по изучению абхазских племен). Сухум, 1929, с. 5.

[36] Там же, с. 5,15.

[37] Л. И. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. СЭ, Издательство АН СССР, 1936, №№ 4—5, с. 131—132; Г. П. Сердюченко. Абазины и первые сведения об их языке. Ученые записки Ростовского педагогического института, факультет языка, вып. 2, Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1940, с. 5—34.

[38] Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей, с. 162—166; его же. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. ССИК, 1954, вып. 3. Кабардинское книжное издательство, с. 194—196, 199, 205—207; см. также: Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье, ССИК, 1955, вып. 4. Кабардинское книжное издательство, с. 39—42.

[39] Л. И. Лавров. Абазины (Историко-этнографический очерк). Труды института этнографии, новая серия, т. XXIV. Издательство АН СССР. М., 1955, с. 8; его же: Раздел «Абазины» — народы Кавказа, т. 1. М., 1960, с. 232.

[40] Л. И. Лавров. Абазины, с. 9; его же: Раздел в кн. «Народы Кавказа», т. 1, с. 232.

[41] Л. И. Лавров. Проблемы этногенеза горских народов Кавказа. Тезисы докладов на сессии отделения истории АН СССР и Ученом совете института этнографии АН СССР. Академия наук СССР. Отделение истории. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва, 1974, с. 8—11; его же: Историко-этнографические очерки Кавказа, «Наука». Л., 1978, с. 42, 44, 45; его же: О происхождении абазин. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 73—77.

[42] К. П. Патканов. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, часть 226, с. 29.

[43] К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954, с. 339 (на грузинском языке, резюме на русском языке). Эти вопросы ставились также в работе К. В. Ломтатидзе, опубликованной ранее «Тапантский диалект абхазского языка». Тбилиси, 1944. Издана литографическим путем на грузинском языке. См.: Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 33.

[44] Х. С. Бгажба. Взыбский диалект абхазского языка. ТабхНИИЯЛИ. Издательство АН Груз. ССР, т. XXVIII. Сухуми, 1957, с. 368. Сводку мнений языковедов по этому вопросу см. у Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 5, 7, 33 и др.; у З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Абхазское государственное издательство. Сухуми, 1959, с. 203—204.

[45] Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 8—25.

[46] Г. П. Сердюченко, говоря об истории и содержании термина «абазины», в начале своего очерка приводит сведения античных и византийских авторов об абазгах и апсилах. Далее он пишет, что «в русских летописях мы неоднократно находим термин «обезы», использованный, по всей вероятности, как наименование абхазо-абазинских племен, обитавших в XI—XII вв. на севере от Кавказского хребта в бассейне Кубани и в нижнем течении Дона (Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 8). Приводя данные об абхазах авторов XVII века (Жана де Люка, Д'Асколи, Эвлии), Г. П. Сердюченко высказывает предположение, что среди этих абхазов были и абазины. Так, говоря о наименованиях 10 горских абхазских (точнее — «абазских») племен, перечисленных у Эвлия Челеби и исправленных А. Н. Генко. Г. П. Сердюченко отмечает, что «есть все основания среди приводимых Э. Челеби названий абхазских племен видеть и некоторые из ставших затем северокавказскими наименованиями — «башилбай и баг» (Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 10).

[47] Г. П. Сердюченко. Язык абазин, с. 24.

[48] Там же, с. 32.

[49] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 205—206.

[50] Там же, с. 205, примечание 6.

[51] Там же, с. 69.

[52] Там же, с. 59, примечание 2.

[53] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Издательство АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1959, с. 94.

[54] Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, Абгосиздат. Сухуми, 1960, с. 97—99.

[55] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. (Этнографические очерки). Абгосиздат. Сухуми, 1962, с. 75, примечание 2.

[56] Ц. Н. Бжания. Из истории..., Филолог-абазиновед Р. Н. Клычев сообщил нам, что абазинские фамилии имеются не только в Абжуйской, но и в Бзыбской Абхазии.

[57] Ц. Н. Бжания. Из истории..., с. 73, с. 75, примечание 2, т. I—III.

[58] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 47.

[59] Там же, с. 52.

[60] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 370, примечание 1.

[61] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 361.

[62] Л. И. Лавров. Абазины, с. 9.

[63] См. об этом у Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 369—370.

[64] Л. И. Лавров. Обезы..., с. 163.

[65] Отметим, что этническая группа под названием кашкайцы существует и поныне в недалеком от Кавказа Иране (ред.).

[66] Очерки истории Абхазской АССР, т. 1, с. 35.

[67] Всемирная история, т. 1. Гос. издательство политической литературы. М., 1965, с. 379.

[68] Там же, с. 515.

[69] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 97, 120—122.

[70] Е. С. Шакрыл. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. УЗАНИИ, IV, история и этнография. Краснодарское книжное издательство. Краснодар, 1965, с. 205—221.

[71] Там же, с. 212.

[72] Там же, с. 209—210.

[73] Е. С. Шакрыл. К вопросу об этногенезе..., с. 221.

[74] Там же.

[75] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 81—87.

[76] Там же, с. 86.

[77] Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. «Алашара». Сухуми, 1976, с. 423—424.

[78] Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 131.

[79] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы, — стоянки Воронцовской пещеры. ТабхНИИЯЛИ, т. XXIX. Издательство АН Груз. ССР. Сухуми, 1958, с. 163—165, 10—173. В этой статье Л. Н. Соловьев, между прочим, замечает: «Здесь мы должны оговорить то несомненное для нас положение, что строительство дольменов на Черноморском побережье возникло еще ранее, вероятно, еще до прихода кашков, под воздействием тесных связей с малоазийским культурным миром, осуществлявшихся морским путем, которые и наложили особую печать на развитие Южно-Дольменской культуры, в носителях которой мы видим далеких предков абхазского народа» (подчеркнуто мной. — Е. А.) (Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., с. 165).

[80] Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 177; См. также главы I и II указанной работы и с. 213. Так, кашки не могли принести с собой обычай строить дольмены — дольмены в Малой Азии не обнаружены. (В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. «Эльбрус». Нальчик, 1974, с. 29).

[81] З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. «Наука». М., 1964, с. 125.

[82] Я. А. Федоров. О дольменной культуре Западного Кавказа и ее носителях. Вестник МГУ, история. Издательство МГУ, 1974, № 4, с. 82, 85, 86, 88, 92, 94. Ш. Д. Инал-Ипа не совсем согласен с мнением Я. А. Федорова. Он пишет: «Что касается приписывания дольменов только предкам собственно абхазов, то вряд ли последние уже в ту отдаленную эпоху имели столь широкое распространение от Южной Абхазии до Керчи, включая весь бассейн Кубани». (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 79). Но в другом месте Ш. Д. Инал-Ипа замечает: «...население, оставившее дольменную культуру, вошло и приняло активное участие в образовании древнеабхазских племенных союзов, которые на территории Абхазии упоминаются в исторических источниках с I—II вв. до н. э. и которые являются непосредственными предками современных абхазов» (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 99).

[83] Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. ТабхНИИЯЛИ, т. XXXI. Издательство АН Груз. ССР. Сухуми, 1960, с. 101—178; В. И. Марковин. Дольменная культура..., рис. 21 — карта.

[84] В. И. Марковин. Составной дольмен..., с. 78. В Абхазии дольмены датируются 2000—1800 гг. и 1700—1500 гг. до н. э. (Ю. Н. Воронов. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, М., 1971, с. 20).

[85] Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. ТабхНИИЯЛИ, т. XXXI. Издательство АН Груз. ССР. Сухуми, 1960, с. 106; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 367; Е. Н. Крупнов. Возникновение и развитие первобытного строя на территории Северо-Западного Кавказа и Кабардино-Балкарии. История Кабардино-Балкарской АССР, том I, «Наука». М., 1967, с. 29; В. И. Марковин в своей книге пишет следующее: «Если еще раз взглянуть на карту распространения дольменов..., можно заметить, что она заполняет основной, очень компактный участок, некогда полностью занимаемый абхазо-адыгами» (В. И. Марковин. Дольмены Западного Кавказа. «Наука». М., 1978, с. 322). Далее В. И. Марковин замечает: «Как видно, в дальнейших исследованиях археологов, этнографов и лингвистов, направленных на изучение абхазо-адыгского этноса, должен учитываться и тот интереснейший материал, который дают дольменные памятники Западного Кавказа» (там же, с. 325).

[86] В. И. Марковин. Дольменная культура..., с. 50.

[87] Г. Ф. Турчанинов. Древнейший письменный памятник Кавказа,

ВДИ, «Наука», 1965, № 3; 1966, № 2; 1965, № 4; его же: Памятники письма и языка народов Кавказа иВосточной Европы. «Наука», Л., 1971, с. 11—34.

[88] Г. Ф. Турчанинов. Памятники..., с. 22.

[89] Е. И. Крупнов. О загадочной Майкопской надписи. ВИ, 1964, № 8; его же: Ответ Г. Ф. Турчанинову. ВИ, «Правда», 1965, № 4; П. У. Аутлев. К вопросу о возрасте Майкопской плиты. ВДИ, «Наука», 1966, № 2; И. М. Дьяконов. Майкопские письмена. ВДИ, «Наука», 1966, № 2; Л. И. Лавров. К попытке чтения Майкопской надписи. СЭ, «Наука», 1967, № 2.

[90] Г. Ф. Турчанинов. Древнейший письменный памятник..., ВДИ, «Наука», 1966, № 2, с. 95.

[91] П. У. Аутлев, П. А. Дитлер, М. М. Трапш. Раскопки в районе города Майкопа в 1964 году в связи с находкой Майкопской плиты. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографичсеких исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, Издательство АН Азербайджанской ССР, 1965, с. 101—102.

[92] Выше мы отмечали, что Л. И. Лавров, анализируя данные письменных источников, предания и топонимику восточного побережья Черного моря, пришел к выводу, что «прародиной» было восточное побережье Черного моря вплоть до Туапсе (нынешний Адлеровский, Лазаревский и Туапсинский районы Краснодарского края). Л. И. Лавров. Обезы..., с. 163—164. Предки шкарауовцев обитали, по мнению Л. И. Лаврова, от Гагр до Адлера, а далее на северо-запад — предки тапантовцев (там же, с. 164).

[93] Ш. Д. Инал-Ипа. Об этногенезе древнеабхазских племен. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август, 1964, «Наука». М., 1964, с. 9; его же. Абхазы, с. 68—80, 93, 96—97.

[94] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, карта № 3.

[95] Аррнан. Перипл — В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. 1, СПб, 1893—1900, с. 222.

[96] Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. Издательство АН СССР. М., 1950, с. 382—383. О первых упоминаниях термина «абаза» см. Н. Г. Волкова. Этнонимы..., с. 51.

[97] Очевидно, абазги жили в районе Цебельды, так как памятники Цебельдинской культуры, по мнению М. М. Трапша, принадлежат не только апсилам, но и абазгам (М. М. Трапш. Труды в четырех томах. Том 3. «Мецниереба», Тбилиси, 1971, с. 14, 16, 216; том 4. «Алашара», Сухуми, 1975, с. 14). Кроме апсилов и абазгов, носителями Цебельдинской культуры могли быть и мисимиане. Так, мисимианская крепость Цахара (Тцахара) принадлежала к числу памятников Цебельдинской культуры (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 241).

[98] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, карта, с. 19.

[99] Аноним V в.— В. В. Латышев. Известия..., т. I, с. 279; Прокопий из Кесарии. Война с готами, с. 83.

[100] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 69; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 77.

[101] Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье, с. 40. В литературе высказывалось мнение, что в формировании абхазо-абазинской этнической общности приняли участие и ахеи. По мнению Л. И. Лаврова, ахеи жили между реками Агуй (на юге) и Топсидой у селения Старой Ахеи на севере. Около II в. н. э. они были поглощены зихами и затем, уже как часть зихов, принимали участие в дальнейших этногенетических процессах, проходивших на восточном побережье Черного моря. Термины «апсилы», «абазги», «ахеи» заставляют вспомнить, — замечает Л. И. Лавров, — обычную в абхазском и абазинском языках особенность — наделять слово звуком «а» (Л. И. Лавров. О происхождении..., с. 203). Брухов Прокопия Кесарийского Л. И. Лав-

ров, как и А. Намитоκ, считает абазинами — бракъей (от есть баракаевцами). (Л. И. Лавров. О происхождении..., с. 194).

[102] Л. И. Лавров. Обезы..., с. 166.

[103] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 206.

[104] См. об этом в работе Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 93.

[105] Там же, с. 93—96; Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 231—234.

[106] Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, с. 91—92.

[107] Л. И. Лавров. К истории бжедугов и жанеевцев. УЗАНИ IV. История и этнография. Краснодарское книжное издательство. Краснодар, 1965, с. 247—250.

[108] Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект..., с. 283; Пандрипш — одна из ветвей садзов-джигетов.

[109] Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа, с. 195.

[110] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 206; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 97.

[111] См., например, К. Ф. Ган. Первый опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК 40, Тифлис, 1909, с. 52 и другие исследования.

[112] См. Л. Люлье. Общий взгляд аа страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (агеза) и другими смежными с ними горскими народами. В книге: Л. Я. Люлье. Черкесия. Краснодар, 1927, с. 9; К. Ф. Ган. Первый опыт..., с. 52; А. М. Дирр. Современные названия адыгских племен. СМОМПК 40, Тифлис, 1909, с. 6 и другие исследования.

[113] С. Басария. Абазинский аул..., с. 19.

[114] Согласно Л. Люлье, в число азега, то есть абхазских племен, входили и садзы, занимавшие пространство от речки Хамыш до Гагры, известные под именем джигет (Л. Люлье. Общий взгляд..., с. 9). Джигеты, — писал К. Ф. Ган, — племя, живущее между убыхами и абхазцами и родственное последним (К. Ф. Ган. Первый опыт, с. 52). См. также: З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 204—207; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 52.

[115] А. М. Дирр. Современные названия..., с. 6.

[116] Л. И. Лавров. О происхождении..., с. 204; его же. Обезы..., с. 163. Южными абазинами считает садзов-джигетов Н. Г. Волкова. (Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. «Наука». М., 1974, с. 65, 74).

[117] Х. С. Дгажба. Бзыбский диалект,.., с. 290.

[118] Л. Люлье указывает, что абхазцы называли своих соседей джигетов и даже убыхов садзен, сохраняя им и их название (Л. Люлье. Общий взгляд..., с. 9). Ф. Браун полагает, что саджа Эвлия Челеби — это Саше. Суджа — джигеты и убыхи. (Ф. Браун. Примечание к рассказу Эвлии). ЗООИД IX, Одесса, 1875, с. 175—176). По мнению А. Н. Генко, джигеты-садзеи первоначально принадлежали к убыхам, а потом подвергались сильной абхазизации. Эвлия приводит список слов из языка саджа-садзен. Этот список, по словам А. Н. Генко, очень близок языку убыхов. (А. Н. Генко. О языке убыхов. Известия АН СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. Издательство АН СССР, № 1—10. Л., 1928, с. 233—234, 237—241). Л. И. Лавров относил убыхов к абаза-абадза, то есть к абазинам (Л. И. Лавров. О происхождении..., с. 204). В другой своей работе Л. И. Лавров обращает внимание читателя на тот факт, что в 1641 году одно из обществ причерноморских абазин говорило на убыхском языке. (Л. И. Лавров. О происхождении абазин, с. 75; см. также: Н. Г. Волкова. Этнический состав..., с. 78). З. В. Анчабадзе считает, что часть санигов-садзов-джиков уже в XVIII в. и в первой половине XIX в. была ассимилирована спустившимися

с гор убыхами (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 209). Вопрос об убыхах издавна привлекал внимание исследователей. Паллас причислял убыхов к абхазам, наряду с племенем Туби (Туби — урочище в верховьях реки Пшехи). Паллас. Заметки о путешествии, т. 1, с. 368, 397). Гильденштедт также связывает Туби и убыхов (Гильденштедт. Путешествие..., с. 144). Дюбуа до де Монпере относил убыхов, саша и ардона к черкесским племенам (Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, с. 37). М. Венедиктов в число подразделений, входящих в абаза или Туби упоминает и аланетов (М. Венедиктов. Взгляд на кавказских горцев. Сын отечества, СПб., 1837, ч. 188, с. 35). Л. Люлье пишет, что «поныне существует у убыхов одно племя, носящее имя «Алань» (Д. Люлье. Общий взгляд..., с. 14). П. К. Услар, анализируя термины «абыге», «абаза» и «азра», приведенные в работе Белля, отмечает, что термин «азра» происходит от слова «адзыге» (убыхское название абхазов), слово одного происхождения с черкесским «азега» (П. К. Услар. О языке убыхов. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Отдел II. Тифлис, 1887, с. 75—79). Сводка взглядов исследователей об убыхах дана в статье А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 221—224. В последние годы убыхами занимается Ш. Д. Инал-Ипа. Он следует точке зрения Мессароша и некоторых других исследователей о том, что убыхский язык генетически связан с протохеттским. Убыхи, обладая бесспорной этнической индивидуальностью, проявляли, вместе с тем, большую этническую близость к абхазам и абхазо-черкесской группе родственных народов. Во второй половине XIX в. убыхи жили на кавказском побережье Черного моря, подразделяясь на две основные территориальные группы — вардане на северо-западе и саашсе на юго-востоке. Они сплошной массой населяли бассейны рек Сочи, Хамаш, Бзыч (приток р. Шахе), верховья реки Шахэ и др. Убыхи являлись связующим звеном между абхазской и адыгской группами. Со всех сторон их окружала родственная этническая среда: на юго-востоке — абхазские племена садзов, млавеевцев, ахин, цуховцев и другие, на северо-западе и западе — адыгские племена абадзехов, натухайцев и шапсугов. Река Шахе являлась границей шапсугов с убыхами (Ш. Д. Инал-Ипа. Локализация племени убыхов и его некоторые этнические особенности. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, с. 200—201). О расселении убыхов в XVIII—XIX вв., см. Н. Г. Волкова. Этнический состав..., с. 78—79.

[119] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 62—70, 210—219.

[120] Ш. Д. Инал-Ипа. Об этногенезе древнеабхазских племен, с. 9—10; его же. Абхазы, с. 92—93, 96, 102—103, 131—132, 138, 385.

[121] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 69.

[122] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 93.

[123] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 69.

[124] Л. И. Лавров. Адыги..., с. 42—43; Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, Ставропольское книжное издательство, Ставрополь, 1967, с. 95—101.

[125] Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, Социально-экономическое издательство, 91. М.-Л., 1934, с. 21.

[126] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 107, 209.

[127] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 210.

[128] См. карту № 1 в нашей работе. Расположение населенных пунктов Сотириуполя и Никопсии дано по З. В. Анчабадзе.

[129] Территория Авазгии Константина была несколько обособленной. Как пишет З. В. Анчабадзе, «не случайно..., что именно этот район составлял в Абхазском царстве (а затем до определенного времени в объединенной Гру-

ании) так называемое Абхазское эриставство» (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 209).

[130] Л. И. Лавров. Обезы..., с. 163; С. Басария. Абазинский аул..., с. 19. В отношении Псху отметим, что говор этого селения встречается только у жителей шкарауовского селения Апсуа в КЧАО. Об этом мне любезно сообщил филолог-абазиновед Б. В. Тугов.

[131] Как справедливо отмечает Л. И. Лавров, утверждение К. В. Ломтатидзе о том, что «живущие на Северном Кавказе абхазские племена» (как она называет абазин) будто бы «себя называют также апсуа», — не соответствует действительности (Л. И. Лавров. Абазины, с. 6). Во избежание недоразумений, укажем, что аул Апсуа, бывший Шихгиреевский, был назван так только в советское время.

[132] Е. П. Алексеева. К вопросу..., с. 311—328; ее же. Древняя и средневековая история, с. 191—198.

[133] Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА, «Наука», 1965, № 2, с. 265.

[134] М. М. Трапш. Труды в четырех томах. Том 1, «Алашара». Сухуми, 1970, с. 108—167; том 2, «Алашара». Сухуми, 1969, с. 18, 19, 45—48.

[135] М. М. Трапш. Труды в четырех томах. Том 3. Тбилиси, 1971, с. 17—212; том 4. Сухуми, 1975, с. 15—54, 62—66; Г. К. Шамба. Ахаччархху — древний могильник нагорной Абхазии. «Алашара». Сухуми, 1970; Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. «Наука». М., 1975, с. 110—153; Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках Цебельдинской культуры, СА, «Наука», 1979, № 1, с. 181—198. Из 28 погребений — 7 кремационных, мужские и женские; М. М. Гунба. Новые памятники Цебельдинской культуры. «Мецниереба», Тбилиси, 1978. Из 41 погребения — 15 кремационных, с. 102. См. наши таблицы 1—3.

[136] Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. «Алашара», Сухуми, 1969, с. 75; его же. Тайна Цебельдинской долины, с. 40; М. М. Трапш. Труды в четырех томах. Том 3, Тбилиси, 1972, с. 14, 16, 128, 216; том 4, Сухуми, 1975, с. 14; Г. К. Шамба. Ахаччархху — древний могильник нагорной Абхазии, с. 80.

[137] Ю. А. Кулаковский. Христианство у алан. Византийский Временник, том V, вып. 1 и 2. СПб., 1898, с. 3; М. М. Трапш. Труды в четырех томах. Том 3,Тбилиси, 1971, с. 124; М. М. Гунба. Новые памятники, с. 93.

[138] Средневековые кремационные захоронения на Северо-Западном Кавказе местных истоков не имеют. В древности на Северо-Западном Кавказе (на Черноморском побережье) с кремацией хоронили своих умерших эллины. Местные же племена — месты и другие — ингумировали своих покойников (Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 192). Кремация в период средневековья существовала на Северном Кавказе с V по XV вв. Позднее, очевидно, носители кремационного обряда стали хоронить своих умерших так же, как и основное население этих мест — адыги. С принятием христианства, а затем мусульманства, обряд погребения еще более нивелируется (Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история, с. 196).

[139] См. карту № 2 и пояснение к ней. В Закубанье исследовано не более 10 раннесредневековых могильников (Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века по данным археологии, ТКЧНИИ IV, серия историческая, Ставропольское книжное издательство, Ставрополь, 1964, с. 203—211. Из новейших исследований см.: П. Аутлев. Новые раннесредневековые памятники бассейна реки Лабы. Сборник материалов по археологии Адыгеи, вып. III, Майкоп, 1972, . 99—116). Весьма показательно, что из этих 10 могильников — 7 с кремацией.

[140] А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. УЗКНИИ, Кабардинское книжное издательство, IV, Нальчик, 1948, с. 84—85.

[141] Так, А. В. Дмитриев высказал предположение, что кремационные погребения в ямках могильников Дюрсо и других некрополей конца VIII—начала IX вв. в районе Новороссийска—Геленджика оставлены тюрками, пришедшими из Южной Сибири — хакасами, енисейскими кыргызами (А. В. Дмитриев. Об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII—начала IX вв. в районе Новороссийска — Геленджика. VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов, «Эльбрус». Нальчик, 1978, с. 48—49). Но Н. В. Анфимов справедливо возразил А. В. Дмитриеву, указав на то, что трупосожжения на Северо-Западном Кавказе практиковались задолго до конца VIII в. (с V в.) и что отсутствуют промежуточные пункты по пути следования этих тюрок из Южной Сибири на Северо-Западный Кавказ.

[142] Е. П. Алексеева. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. ТКЧНИИ III, серия историческая, Карачаево-Черкесское книжное издательство, Черкесск, 1959, с. 17.

[143] Наша точка зрения была принята не всеми исследователями. Так, Л. И. Лавров возражает нам, ссылаясь на то, что трупосожжений в Закубанье выявлено немного (Л. И. Лавров. Историко-этнографические очерки Кавказа. «Наука». Л., 1978, с. 43). Но, как мы уже говорили выше, вообще-то раннесредневековых могильников в Закубанье известно пока очень мало. Далее Л. И. Лавров указывает, что могильники с трупосожжением известны там, где абазины никогда не жили — Пашковский могильник, могильник у села Октябрьского — Тахтамушкая (там же, с. 43). Но Пашковский могильник мы не связываем обязательно с абазинами (Е. П. Алексеева. К вопросу..., с. 322—323). Территория же заселения Закубанья в раннем средневековье предками абазин и самими абазинами не обязательно должна полностью совпадать с территорией их расселения в XVIII—XIX вв. В истории достаточно известно случаев, когда адыги и абазины меняли свои места жительства. И, наконец, Л. И. Лавров замечает, что ареал распространения того или иного обряда не обязательно совпадает с этнической территорией, особенно когда это касается родственных народов, издавна проживающих по соседству (там же, с. 43). Другими словами, Л. И. Лавров не считает обряд погребения этническим признаком. Но исследования археологов показывают, что погребальный обряд, в частности, обряд трупосожжения, может быть и этническим признаком. Так, при определении этнической принадлежности погребенных в некрополях Боспорских городов принимается во внимание обряд захоронения — кремация или ингумация. В первом случае погребение считается эллинским.

[144] Аноним V в. Описание Понта Евксинского — В. В. Латышев. Известия..., том 1, с. 279. Отождествление географических пунктов, названных Анонимом, с современными географическими пунктами, В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК 56, II г., 1914, с. 168—171.

[145] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 67—68.

[146] Л. И. Лавров. Адыги в раннем средневековье, с. 36, 41, 42.

[147] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековья Абхазии, с. 111, 116, 175.

[148] Там же, с. 177.

[149] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 254—256.

[150] Карта в работе Е. Д. Фелицына. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. Кубанский сборник, том 5, Екатеринодар, 1889. О том, что абазины в XII—XV вв. жили на Тамани и в низовьях Кубани, могут говорить и следующие факты. В 1154 г.

город Матраха (Тамань-Тмутаракань) принадлежала абазским (абазинским) князьям Олоу Аббас, известным своей силой и храбростью (Ю. С. Завакин, Н. А. Пенчко. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. Исторические записки. Издательство АН СССР, том 3. М., 1938, с. 79). В XV в. между Таной (Азовом) и устьем Кубани было княжество Кремух, населенное черкесами. О стране Кремух пишет Барбаро (Барбаро. Путешествие..., с. 44—45). Во главе этого княжества был князь Биберди, возможно, по происхождению абазин (Ф. Д. Фелицын. Некоторые сведения..., с. 17—18).

[151] Г. Интериано. О быте и нравах черкесов. У А. Н. Веселовского. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, том II. СПб., 1869, с. 731. Как справедливо указывает Н. Г. Волкова, западно-европейские авторы до XVII в. (Интериано, Матвей Меховский, генуэзские карты XIII—XV вв.), разделяли территорию по Черноморскому побережью до Мегрелии на три области: Зихию, Абазгию и Авгазию. (Н. Г. Волкова. Этнонимы..., с. 52).

[152] Е. Д. Фелицын. Черкесы-адыге и западнокавказские горцы. Кубанские областные ведомости, 1884, № 34; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 244; Ф. Черкесы, казаки и адыхе. Русский вестник, т. 48. М., 1863, декабрь, с. 862.

[153] Г. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 160.

[154] Ламберти. Описание Колхиды..., с. 210.

[155] Там же, с. 211.

[156] Д'Асколи. Описание Черного моря..., с. 105. Комментатор Д'Асколи Бертье Делагард считает, что Мамателн — это крепость Мамай-кале недалеко от Сочи. Порт Аббаза находился на месте Вордане (Вардане) также недалеко от Сочи, так как именно на этом месте на картах XVII в. весьма близкие названию «Аббаза» — «Абазика», «Батеи Абазе», «Витан-Абаза». (Примечание Бертье Делагарда к рассказу Д'Асколи. Описание Черного моря..., с. 157, 160). З. В. Анчабадзе пишет, что Аббаза была расположена в устье реки Шахе, а Мамателн—Маметкале близ Туапсе (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 283, 299). Аргументацию данного своего положения З. В. Анчабадзе не приводит. Точка зрения Бертье Белагарда, нам кажется более убедительной. Говоря о порте Абаза, следует привести очень интересное сообщение автора XVIII в. Мины Меднчи о том, что Черное море называлось также Абазинским (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 258).

[157] Витсен. Ук. соч., с. 554.

[158] Жан де Люк. Описание..., с. 488—489.

[159] Эвлия. Путешествие турецкого туриста..., с. 180. Примечание Ф. Бруна к рассказу Эвлии на с. 179—180.

[160] Эвлия, рук. книга II, с. 102—108; Эвлия. Путешествие турецкого туриста, с. 174, 180.

[161] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 356, карта на с. 355.

[162] Ф. Брун. Примечание 8 на с. 174 к рассказу Эвлии (Путешествие турецкого туриста...).

[163] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 356.

[164] Ф. Брун. Примечание 10, с. 175 к рассказу Эвлии.

[165] Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, с. 356.

[166] Там же.

[167] Ф. Брун. Примечание 10, с. 175; А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 235 и др. авторы.

[168] Л. И. Лавров. К истории бжедухов..., с. 247.

[169] Эвлия. Путешествие турецкого туриста..., с. 180, с. 177.

[169] Ф. Брун. Примечание 13, с 177 к рассказу Эвлии. Ср. — А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 229.

[171] А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 237.

[172] Л. И. Лавров. К истории бжедугов..., с. 248.

[173] А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 235.

[174] Там же, с. 236.

[175] Жан де Люк. Описание..., с. 492.

[176] Эвлия, рук. кн. II, с. 98—102; Эвлия. Путешествие туриста, с. 182.

[177] Н. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. СЭ, «Наука», 1967, № 1, с. 32.

[176] Эвлия, рук. кн. II, с. 98—102; Эвлия. Путешествие турецкого туриста, с. 182.

туриста, с. 180. Перечислив указанные 10 родов, Эвлия замечает: «Здесь кончаются все 25 родов племени Абазе, населяющего побережье Черного моря» (Эвлия, рук. кн. II, с. 109). Таким образом, ясно, что здесь речь идет о горных абазинских группах, населяющих южные склоны Кавказского хребта, а не северные.

[179] А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 237.

[180] Выше мы отмечали, что и джигетов в настоящее время некоторые исследователи относят к южным абазинам. (Н. Г. Волкова. Этнонимы, с. 60).

[181] П. Бутков. О имени козак, с. 188. В V—VI вв., по мнению П. Буткова, переселились на Северо-Западный Кавказ абазины-тапантовцы (Алты-Кесек). Именно их, как полагает П. Бутков, и именовал касахами Константин Багрянородный. Отметим, кстати, что на карте, приложенной к книге А. И. Мусина-Пушкина, названной «Чертеж», изображающей часть древней России до нашествия татар, обезы помещены на северных клонах Кавказского хребта, в частности, в верховьях Кубани и Зеленчуков (А. И. Мусин-Пушкин. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1974).

[182] Е. Д. Фелицын. Примечания к работе Пейсонеля «Исследование торговли», с. 35.

[183] Гильденштедт. Путешествие..., с. 144; С. Броневский. Новейшие..., т. 1, с. 331; Л. Люлье. Общий взгляд..., с. 9; А. Берхе. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858, с. 71 и некоторые другие авторы (В. Бартольд. Ф. Щербина и др. — см.: Л. И. Лавров. Обезы..., с. 168). К. Сталь не указывает точно время переселения абазин, но пишет, что происходило это в течение длительного времени: «Постепенное переселение абазин из Абхазии продолжается и доныне (то есть до середины XIX в.— Е. А.)», — заключает К. Сталь (К. Сталь. Этнографический очерк..., с. 66).

[184] С. Броневский писал, что переселение произошло из-за междоусобных разногласий (С. Броневский. Новейшие..., т. 1, с. 7331). К. Сталь объяснял переселение недостатком земли и кровомщением (К. Сталь. Этнографический очерк..., с. 79), Л. Люлье — внутренними несогласиями и недостатком земли. При переселении абазины добились согласия кабардинцев уступить им часть земли (Л. Люлье. Общий взгляд..., с. 9). Согласно Торнау, к переселению абазин вынудили внутренние раздоры, кровомщения и недостатки (Ф. Торнау. Воспоминания..., с. 413, 425).

[185] П. Бутков. О имени козак, с. 188—189.

[186] К. Сталь. Этнографический очерк..., с. 65—66. О связи абазин с Цебельдой говорит и следующее обстоятельство, подмеченное Ш. Д. Инал-Ипа. «Мне представляется более правдоподобным выводить название Цабал-Тзибила, — пишет Ш. Д. Инал-Ипа, — от абхазского (точнее абазинского) родоплеменного имени вымерших Цыблы, представители которого были, вероятно, аборигенами Цебельды, оставившими свое название этому подрайону» (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 230).

[187] Ф. Торнау. Воспоминания..., с. 101, 112—114.
[188] Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения..., с. 18.
[189] У. Алиев, Б. Городецкий, С. Сиюхов. Адыгея. Адыгейско-Черкесская автономная область. Республики и области СССР, Северный Кавказ. Вып. 1, Крайнациздат, Ростов-на-Дону, 1927, с. 30; Д. Гулия и др. — см. Л. И. Лавров. Обезы, с. 168.
[190] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962, с. 75, примечание 2.
[191] Л. И. Лавров. Абазины..., с. 9.
[192] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 256—257. В подтверждение своего мнения З. В. Анчабадзе приводит следующие доводы. Абазины называли большой тяжелый деревянный плуг «кватан» (ср. абхазское — «а-куатан»). По мнению З. В. Анчабадзе, этот термин происходит от грузинского названия подобного плуга «гутани». Предки тапантовцев могли заимствовать этот термин у грузин только до переселения на Северный Кавказ. Большой плуг «гутани» появляется только в XII в., следовательно, абазины-тапантовцы не могли переселиться ранее XII в. Для обозначения высшей феодальной прослойки тапантовцы употребляли термин «амастаду», т. е. «большой дворянин». Абхазы, шкарауовцы и адыги этого термина не знают. Как полагает З. В. Анчабадзе, тапантский термин «амыстаду» является буквальным переводом древнегрузинского термина «Дидебули азнаури», который также означает «великий дворянин». Этот термин существовал у грузин только до XIV в., и следовательно, только до этого времени могли заимствовать этот термин тапантовцы. Таким образом, предки тапантовцев должны были переселиться на Северный Кавказ не позднее XIV века. Шкарауовцы употребляли термин «агруа» (мегрел) для обозначения крепостных крестьян. Такой термин, как считает З. В. Анчабадзе, не мог возникнуть у абхазов ранее XVII в., когда Абхазия выделилась из Мегрелии и ряды зависимого населения Абхазии стали пополняться пленными мегрелами, что и обусловило появление такого социального термина этнического происхождения. Этот термин не мог появиться у предков шкарауовцев после переселения их на Северный Кавказ, следовательно, переселение их произошло не ранее XVII в. (З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 256—257).
[193] Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 436.
[194] С. Басария. Абазинский аул, с. 14—15.
[195] С. Басария. Абазинский аул, с. 5.
[196] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 256—257.
[197] Л. И. Лавров. К попытке чтения Майкопской надписи. СЭ, 1967, № 2, с. 204—205; см. также: Л. И. Лавров. Абазины, с. 9—10.
[198] С. Басария приводит отрывок из абазинской песни, где говорится о легендарном герое, родившемся в Цабале (то есть в Цебельде) и погибшем у скалы Бека. Скала Бека, как пишет С. Басария, имеется в Абхазии, по пути Дзыхва—Химса (С. Басария. Абазинский аул, с. 10—11).
[199] Л. И. Лавров. Абазины, с. 9.
[200] З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 257.
[201] Масуди (арабский автор X в.) — В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. Издательство восточной литературы. М., 1963, с. 206.
[202] Г. Х.-У. Текеев. Раскопки в Амгате. Сб. «Археологические открытия 1976 г.», «Наука». М., 1977, с. 123—124.
[203] Шами пишет: от подножья горы Эльбурз «Тимур тотчас выступил, прошел через гору Эльбурз и стал лагерем в местности Абаса». (В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений. Издательство АН СССР. М.-Л., 1941, с. 123). У Иезди читаем: «Мираншах прислал известия: «Мы охотимся за

Утурку и вошли в горы Эльбруза в местность Абасай. Тимур благополучно выступил в поход, прошел через перевал и ущелья горы Эльбруза и расположился в Абасе» (В.-Г. Тизенгаузен. Сборник..., т. II, с. 183).

[204] Э. В. Ртвеладзе. О походе Тимура на Северный Кавказ. Археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского научно-исследовательского института, том IV, Чечено-Ингушское книжное издательство, Грозный, 1976, с. 116, примечание 3.

[205] Л. И. Лавров. Абазины, с. 9.

[206] К. Сталь. Этнографический очерк..., с. 65.

[207] Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов, с. 32 и карта.

[208] С. Басария. Абазинский аул..., с. 10—11. Н. Г. Волкова, ссылаясь на сообщения Палласа и Клапрота, пишет, что в XVIII—начале XIX века абазины-трамовцы обитали на реке Теберде (Н. Г. Волкова. Этнический состав..., с. 70—71). Трамовцы — подразделение тапантовцев. З. С. Басария. Абазинский аул..., с. 9.

[209] С. Басария. Абазинский аул..., с. 9.

[210] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Том I. XVI—XVII вв. Издательство АН СССР. М., 1957, с. 4.

[211] Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII вв. Издательство АН СССР. М., 1963, с. 155.

[212] Там же. Ш. Д. Инал-Ипа полагает, что название абазинского подразделения «клыч» связано с одноименной рекой верховьев Кодора (Клыч). (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы..., с. 234).

[213] Кабардино-русские отношения, том 1, с. 22.

[214] Е. Н. Кушева. Народы..., с. 155.

[215] Л. И. Лавров. Абазины, с. 13—14.

[216] Кабардино-русские отношения, том 1, с. 384.

[217] Л. И. Лавров. Абазины, с. 13. Как отмечает Е. Н. Кушева, Мамстрюк, отец Кайтуки и сын Темрюка, жил во второй половине XVI в., умер в первые годы XVII века (Е. Н. Кушева. Народы..., с. 154).

[218] Е. Н. Кушева. Народы..., с. 157.

[219] Е. Н. Кушева. Народы..., с. 156.

[220] Е. Н. Кушева. Народы..., с. 157.

[221] Л. И. Лавров. Абазины, с. 13.

[222] Эвлия. Рук. кн. VII, с. 756—757; Эвлия Челеби. Книга путешествия, вып. 2, с. 82.

[223] Там же, с. 764; Эвлия Челеби. Книга..., с. 89.

[224] Эвлия. Рук. кн. VII, с. 764—766; Эвлия Челеби. Книга..., с. 90.

[225] А. П. Рунич. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине. Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, вып. 1, «Эльбрус». Нальчик, 1974, с. 96—97.

[226] Л. И. Лавров. Абазины, с. 27.

[227] Л. И. Лавров. Абазины, с. 27—31.

К статье Л. З. Кунижевой

[1] И. Дебу. О Кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске, или общее замечание о поселенных полках, ограждающих линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829, с. 120.

[2] П. Зубков. Картина Кавказского края, ч. III, 1835, с. 112.

[3] Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», т. 21. Тифлис, 1900, с. 79.

[4] К. Гейне. Пшехский отряд. «Кавказский сборник», т. VIII. Тифлис, 1884; И. Дроздов. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848

по 1856 гг., «Кавказский сборник», т. X. Тифлис, 1886; Ф. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. 1. Екатеринодар, 1910 и др.

[5] Л. И. Лавров. Абазины, «КЭС», вып. 1. М., 1955, с. 17.

[6] Полевой материал, 1970, Копсергенов Сагид, около 80 лет, а. Кубина.

[7] Л. И. Лавров. Указ. раб., с. 17.

[8] Полевой материал, 1970, Джердисов Хасамбий, 80 лет, а. Псыж; Насипов Умар, 69 лет, а. Псаучье-Дахе.

[9] Полевой материал, 1970, Дагужиев Закерей, 73 года, а. Кубина.

[10] Л. И. Лавров. Указ. раб., с. 7.

[11] Е. Н. Данилова. Общественный строй абазин в XIX — начале XX века, с. 5. (Рукопись главы «Общественный строй абазин в XIX — начале XX веков» для монографии «Абазины», хранится в секторе истории К-ЧНИИ).

[12] Полевой материал, 1976, а. Псыж. Джердисов Хасамбий, 80 лет.

[13] Полевой материал, 1976, а. Инджиг-Чукун. Косов Тотлустан, 73 г.

[14] Л. И. Лавров. Указ. раб., с. 42.

[15] Л. И. Лавров. Указ. раб., с. 42.

[16] «Карачаевцы». (Историко-этнографический очерк). Черкесск, 1978, с. 62.

[17] Полевой материал, 1976, а. Эльбурган. Камов Г., 76 лет.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 270.

[19] Полевой материал, 1973, Омыр Умар, 73 года, а. Старо-Кувинский.

[20] Т. Табулов. Ас. Алтадуков, Н. Озов. Новая жизнь (на черк. яз.). Черкесоблиздат, 1930, с. 6—7.

[21] Полевой материал, 1970. Дагужиев Закерей, 73 года, а. Кубина; Ержев Хатут, 78 лет, а. Псыж, 1979.

[22] См.: Л. И. Лавров. Кавказские тамги. «Историко-этнографические очерки Кавказа», «Наука». Л., 1978.

[23] Л. И. Лавров. Указ. раб., с. 39.

[24] Е. Н. Данилова. Указ. раб., с. 40.

К статье И. М. Шаманова

[1] Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. — «Этнографическое обозрение». М., 1902, вып. 1.

[2] Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. — «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, с. 194; ее же. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — «Кавказский этнографический сборник», т. VI. М., 1976, с. 51.

[3] С. А. Токарев. Сущность и происхождение магии. — «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959.

[4] Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929, с. 35.

«Джюрютген дуа» — нательные талисманы зашивали в сафьян или смоляную тряпочку «метле» и вывешивали с помощью цепочек и шнурков на шею или же подвязывали к поясу. Иногда их вывешивали над кроватью, над дверью у порога. Существовало представление, что нательный талисман будто бы предохранял от злых духов и от порчи «зарана» «Ичкен дуа» — кусочки бумаги с написанными на них текстами из Корана или так называемых «джин китаб» (книга джинов), клали в миску с водой, смывали с нее чернила надписи и женщина в течение ряда дней пила эту воду по дозировке, назначаемой эфенди. Третья разновидность — это дымные «кюйдюрге». Отдельные бумажки клали в сосуд, а затем подносили горячую лучину и ставили перед косом, пока не сгорали бумажки. Верили, что сожженный дуа якобы обладал силой, которая уничтожила внутренние болезни женщины, возникшие в результате «порчи» и прикосновения злых духов. Третья разновидность «бастыргъан дуа» — амулеты, предназначенные для закапывания